Олег Филипенко

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (1980–2024 гг.)

Москва
2026

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ф53

Олег Филипенко
Ф53 Избранные стихотворения (1980–2024 гг.) —
Москва: Издательство Евгения Степанова,
Издательство «Клуб печати», 2026. — 388 с.

ISBN 978-5-908107-36-5

Олег Васильевич Филипенко — поэт, кинорежиссер и сценарист. Родился в 1965 г. в Симферополе. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Окончил ГИТИС и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Автор нескольких поэтических сборников, поэм, романа в стихах, а также прозаических произведений. Номинант на Антибукеровскую премию (1999). Режиссер-постановщик большого числа кинокартин и телесериалов, таких как «Я думал, ты будешь всегда», «Осенний вальс» и др. Участник и призёр международных кинофестивалей. С 2007 по 2025 год жил и работал, в основном, в Киеве, сейчас вернулся в Москву.

В книгу вошли избранные стихотворения за период с 1980 года по 2024-й.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
ISBN 978-5-908107-36-5

© Олег Филипенко, 2026
© Ирина Легкодух, фото на обложке, 2026
© Издательство Евгения Степанова,
оформление, 2026

ОТ АВТОРА

Быть поэтом, значит сломать свою судьбу. Когда-то я не знал об этом. Когда начинал. Я и поэтом себя не считал. Так — на уровне развлечения и юной сублимации, способ привлечь внимание девушек, порождающий стыд от искренности и обнажения чувств, если таковые случались (чаще я на людях бывал насмешником — писал пародии, эпиграммы…). Но в 24 года случилось то, что случилось — я стал поэтом. Это осознание пришло на уровне откровения. Мне казалось, что далее меня ожидают лавры и поклонение. Я не знал, что ступил на трудный путь, состоящий из непонимания окружающих, одиночества, отверженности. Есть вещи, которые никому не объяснить. Ты пробуешь, бьёшься, формулируешь, но до адресата не доходит. Будущность в сиянии славы оказывается пустой мечтой — да, тщеславной, понятно, — вместо этого наступают труд и пот жизни, смирение и поиск своего пути. Надо творчески расти, развиваться. А куда развиваться, если всё, что произошло с твоей душой — это опустошение, тупик. Значит, надо встать над этими обстоятельствами. *Ищущий да обрящет*. Впрочем, это слишком высоко. Просто живи. Не отчаивайся. Это главное. Смирись. Полюби людей. Но сначала снова полюби хотя бы одного человека. Женщину, как в моём случае. Снова. Дальше начнутся подсказки жизни.

Через твоё сопротивление, конечно. Если повезёт, доживёшь до старости. Мне всегда хотелось дожить до старости — в том числе и из любопытства…

В 24 года я увидел первую «Пьету» Микеланджело («Ватиканскую Пьету») и понял, что письмо, запечатанное в известную форму скульптуры, дошло до адресата. Этот адресат — я. Никто не понимает глубину и высоту чувств, заложенных в скульптуре. Я же чувствовал это содержание насквозь, я сливался с этим содержанием. Параллельно я написал «Восемь сонетов». Но тут надо пояснить. Я написал кучу сонетов. Я дерзал соревноваться с Шекспиром (в переводе Маршака). Мои стихи, среди которых были и сонеты, попали (я знал, что делал) через моего педагога ГИТИСа В. И. Скорика к А. А. Васильеву, великому театральному режиссёру. Гению. Обратно я получил рукопись с формулировкой Скорика: «Есть толковые вещи». Я знал, чья это формулировка. Василий Иванович был в этой ситуации лишь посредником, передатчиком слов Анатолия Александровича. А через несколько дней к нам на показ отрывков в аудиторию пришёл и сам Васильев… Но я не к этому вёл. Я должен сказать правду — я получил обратно листки рукописи не в том порядке, в котором они были сложены у меня. У меня они были сложены в хронологическом. Обратно я получил в *ином* порядке. И этот порядок внимательно изучил. В частности, восемь сонетов были выделены в отдельную группу — меня осенило, — это завершённая композиция!.. Это моя «Пьета». И я оставил их в той композиции, в которой получил от Мастера… Возможно, это была рука Провидения, но я не особо верю в такие вещи.

К чему я остановился на этом? К тому, что без стихов периода 1989–1991 годов нет меня. Однако читатель может пропустить их и начать читать сборник с третьей книги стихов — настолько я не верю в современного человека, в его *духовидческие* способности. Зато я верю в другое. В то, что и первые мои две книги стихов рано или поздно найдут своего адресата.

Но не хотелось бы заканчивать так предисловие. Давай помиримся, читатель. Во всяком случае, я испытываю такую потребность. Человечность важнее истины, думается мне (это уже возрастное малодушие, скажет юный максималист, и я такому замечанию буду рад — значит, жизнь продолжается…).

10 августа 2026 г.

ИЗ «ШКОЛЬНОЙ ТЕТРАДИ»

(1980–1983 гг.)

* * *

Меня материи высокие взывали:
Вот где действительно фантазии простор.
Но крылья быстро мне пообрезали,
Чтоб сидя расширял свой кругозор.

1980 г.

ПРОЩАЙ, ШКОЛА

Нине Тихоновне,
классному руководителю

Дни текут, как меж пальцев вода,
Собираясь в недели и годы.
Десять лет протекли навсегда,
Десять лет нашей школьной свободы.

Я не сразу понять это смог
И старался ускорить теченье;
Но года утекли не в песок,
В моей памяти всё, без сомненья.

Я всё помню: и первый звонок,
И ту радость и гордость ту тоже,
Когда нас завели на урок,
Где всё было взрослее и строже.

Это точка отсчёта моя.
Да и сам я тогда словно точка:
Старшеклассник — гигант для меня,
Выпускник — это дядечка с дочкой.

А теперь я и сам выпускник...
Но в цепи жизни сей безрассудной
Вдруг исчезло, увы, не на миг,
То звено, без которого трудно.

Дни текут, как меж пальцев вода...
Что ж я их разбазаривал часто?
Собирать бы в ладоши года,
Замедлять их теченье прекрасное...

1982 г.

ИЗ «ЮНОШЕСКОЙ ТЕТРАДИ»

(1983–1988 гг.)

АРМЕЙСКОЕ

И мыслей никаких,
И думать неохота.
Я полностью затих.
В мозгу одна забота:
Прожить скорей денёк,
Поменьше прогибаться,
Но так, чтобы не смог
Сержант подколупаться.
И чтоб его рука
Не сделала увечья,
Не мяла мне бока,
Где печень человечья.
Чтоб день быстрей бежал,
А не тянулся веком;
Чтоб кто-нибудь назвал
Не пнём, а человеком.

1983 г.

СОН

Словно бы корытом
Огромадным очень
День стоит накрытый
Промежутком ночи.

Мне приснился сытый
И совсем голодный
Язвами изрытый
Сгусток благородный.

Только в нетерпенье
Будущий наш разум
Я подверг сомненью,
Как проснулся сразу.

Я лежал накрытый
Промежутком ночи
Словно бы корытом
Огромадным очень...

1985 г.

ИРОНИЯ

Я разглядел во мраке ночи
Звезду, похожую на Вас.
И настроенье было очень:
Портвейна выпил я как раз.
И потому, желая пылко
И весь горя до требухи,
Я потрясал в ночи бутылкой
И сочинял для Вас стихи.
А Вы так холодно светили
В тот миг, когда я весь сгорал...
Ах, лучше б Вы меня убили! —
И с этой мыслью я упал...
Очнувшись утром от прохлады
И с терпким привкусом во рту,
Я не нашёл своей отрады,
Я не нашёл свою звезду.
Зато увидел над собою
Обычный городской фонарь...
Да как я мог назвать звездою
Простую городскую тварь!
Наверно чёрт меня попутал,
А я признаться в том не смел.
Фонарь с звездой я перепутал,
Но как я *Вас* на разглядел!..

1985 г.

СОВЕТСКИЙ ПРИМИТИВ

Тучка дождём пролилась на плечо,
Плечи продрогли, но мне горячо.
Чую, сердечко рыдает, как альт,
Падают слёзы лицом на асфальт.

Всё потому, что она не пришла,
Видно, малина уже отцвела.
Ноги ступают по мокрой воде,
Нету мне больше покоя нигде.

Я так любил её нежный покрой,
Алые губки и взгляд непростой,
Бледные ноги до самых грудей...
Нет, ненавижу я больше людей!

Как же от смерти себя удержать?
Не с кем мне больше под небом гулять.
Птички летают в домашний уют
И на меня непомерно плюют.

Знали бы птички про горе моё —
Хором душевным воскликнули б: «Ё!
Разве возможно так много страдать?
Ваше лицо — роковая печать».

Но я замну свою боль навсегда,
Пусть между пальцев стекает вода,
Пусть полоскается тело теперь, —
Новая жизнь открывает мне дверь!

Через цветы я пройду в монастырь,
Буду людя́м от любви поводырь,
Буду стихи о проблемах писать...
Та-та, та-та-та, та-та... твою мать!

1988 г.

ИЗ КНИГИ ПЕРВОЙ. «ОТКРОВЕНИЕ МОЕГО ГАМЛЕТА»

(1988–1989 гг.)

В ГОСТЯХ

В тёплой комнате мягкий диван
И — камином в углу — телевизор...
Отчего ж, — я как будто не пьян,
Но — мне хочется вниз, по карнизу?

Я неловок, смущён, как дикарь,
Ковырявший ногтями занозу,
Что случайно попал на алтарь
И усажен в приличную позу.

Ничего, я бывалый, смогу.
Лишь бы не было на сердце грустно,
Когда солнце опишет дугу
Мне на зависть легко и искусно.

Может, всё так и нужно, как здесь.
Очень даже смазливые речи...
Только в сердце рождается спесь
И желание противоречить.

Я совсем не уверен в себе.
Но мне нынче мучительно даже
Снисхождение в рыбьей губе,
Что закуской на столике нашем.

И в тоске из-за чьей-то спины,
Пропуская слова ушей мимо,
Вижу острые скулы луны
В волосах сигаретного дыма!

1988 г.

* * *

Звёзды отморочили, усопли.
Утро выползает неглиже.
Солнце свои розовые сопли
По стеклу размазало уже.

День явился радостным кастратом
И меня похлопал по лечу.
Я его обкладываю матом
И кидаюсь к Богу-палачу.

Дай же мне любимую, о Боже!
Дай, пока дыханье горячо.
Чтобы я свою щенячью рожу
Мог уткнуть в любимое плечо.

Чтобы потушить безумный пламень,
Где моя измученная тень
Бредит беспокойными стихами
В каждый нарождающийся день.

Слышишь, Ты! Божок земных убогих!
Наблюдатель, равный палачу!
Снова день становится на ноги —
Я от одиночества кричу!

1988 г.

МОЕМУ ЗНАКОМОМУ

Холодно-значимой усмешкой
Меня коришь, как смерда царь.
Ну, что ж... Вези, дружок, не мешкай,
Приобретённую мораль
На рынок жалких рабских мнений,
Где ты надменно продаёшь
Новейших модных рассуждений
Такую же пустую ложь,
Как та, которой нас питали...
Да есть ли разница?! Едва ли!
Не зная сердца своего
Иль вовсе сердца не имея,
Ты из усердья одного
Получишь то, что не согреет
Ни чьей души; в твоих устах
Любая правда обратится
В занудный и гнетущий прах,
А чьей-то истины крупица
Завязнет в пошлых, глупых фразах...
Не жил ты сердцем, мой дружок!
Когда б ты жил, то разве б смог
Не изменить себе ни разу
В одежде ли, в привычке есть...
Да мало ли! Всего не счесть.
Твой покровительственный жест
Меня смешит — мне не обидно.

Но анекдоты, где не видно
Ни остроумия, ни чести,
Меня коробят... В твоей лести
Всегда корысть... Когда б ты знал
Свои недуги сам, то это
Не повторялось бы поэтом,
Который меньше прочитал,
Поверь, чем ты... Теперь — любовь.
Я с целомудренным серьёзом
Хочу сказать о том, как кровь
Порой кипит, о том, как слёзы...
Но ты от этого далёк!
Напрасен мой тебе урок!
И всё ж: что видишь ты любовью,
Читая Шиллера в тиши,
Другой выхаркивает кровью
Исполосованной души
Ножами ревности и злобы!..
Нет, не тебе учить людей!
Вон тот, который, от утробы
Томимый страстностью своей,
Был этой жизнью измордован,
Он скажет (только позови!):
Не на познаньи мир основан,
А на испытанной любви!

1988/1989 гг.

* * *

Где упованье в просветленье века?
Где вера чистая в незыблемость добра?
А, кажется, как будто бы вчера
Я знал, чем увенчают человека!

1989 г.

ПОДРАЖАНЬЕ ПЕСНЕ

— Что ты, дуб, не весел?
Что, скажи, бормочешь?
Или наших песен
Слушать ты не хочешь?

Или та берёза,
Что нам всем услада,
Дарит сердцу слёзы,
Что стоит не рядом?

Или, может, словом
Мало мы ласкали —
И стоишь сурово
В гордой, злой печали?

Мы к тебе ветвями
Ласково нагнёмся,
Добрыми речами
К сердцу прикоснёмся.

Станешь вновь ты весел.
Рядом, вишь, дорога
Нам весёлых песен
Обещает много...

Что ж ты плачешь горько?!
Будто наши речи
Обижают только
Иль грустны, как вечер?..

— Ах, вы, мои други!
Сколько я годочков,
Молодой, упругий,
Ждал хотя б листочка!

Сколько я желаний
Схоронил меж вами,
Сколько я мечтаний
Усыпил трава́ми...

А теперь я высох!
И от вас и горя
Взял бы лунный посох
И ушёл бы в поле.

Там хоть одиноко,
Но простор и воля.
Там я стану боком
К звёздам, ветру, полю...

Пусть лихая стужа
Закружит, завоет,
Растревожит душу
И возьмёт с собою...

1989 г.

* * *

Мне опротивели стихи;
Мне надоела проза жизни,
В которой лик моей Отчизны
Скроён из всякой чепухи!

Мне надоела проза жизни;
Мне опротивели стихи,
В которых прошлого штрихи
Полны унылой укоризны...

1989 г.

* * *

Мой вдумчивый и мощный Голос!
Зачем опять зовёшь ты петь
И всё, что жило и боролось,
Спешишь собой запечатлеть?

Через мои несовершенства
Стремленьем к истине, к добру,
Зачем лишил меня блаженства
В презренном для тебя миру?

Зачем лишь сердце жить устало —
Тебя пронизывает страх,
И шепчешь ты *начни сначала*
С мольбой упрямой на устах;

И уверяешь в чём-то главном,
Что предстоит ещё сказать?..
Зачем ты так блажен, мой славный,
В упрямстве верить и страдать?!..

Сентябрь 1989 г.

* * *

Как втолковать смущенье духа
Сознаньем низменности «я»
Всем любопытствующим сухо
Наружной тайной бытия?!

К каким ещё незримым бедам
Готовит просвещенья дух,
Плодя пародии вокруг
Пустых сердец тщеславным бредом?!

1989 г.

ОТКРОВЕНИЕ МОЕГО ГАМЛЕТА

Я, Гамлет, пишущий стихи
Чернилами своих страданий,
Вам этих строк-воспоминаний
Дарю тревожные штрихи...
Рождённый на брегах Салгира,
Я счастлив был до той поры,
Пока татарские дворы
Не нарушали в сердце мира.
То детство было. Каждый час
Стремился я отдать забаве,
Мечтал о подвигах, о славе,
Но рано праздник мой угас!
Я стал как будто замечать
Кругом унылую печать
Ничтожных мыслей и желаний,
Тщеславья мелких притязаний
И силы — грубой правоты,
И, не назвав ещё словами
Теперь презренные черты,
Смутился страхом и слезами...
Так первым разногласьем с миром
Отягощён был (и не знал,
Что то Божественная Лира
Стыдливый робкий идеал
Уже вселила в моё сердце),
И я захлопнул к людям дверцы

Своей возвышенной души,
И тайно плакал я в тиши
Над бесполезным идеалом!..
Как я терзал себя кинжалом
Сомнений в зыбкой правоте!
И, не найдя ни в ком опоры,
Я изменял своей мечте
И в совести немые взоры
С ожесточением плевал...
Но мир милее мне не стал!
Как рано стал я ненавидеть
Людей презренные труды,
Их разговоры, их суды...
Как оскорбить и как обидеть
Мечтал весь мир ничтожный я,
Но малодушие привычно
Хватало за руку меня,
И лицемерил я публично...
Таков я был. Так в слабом духе
Потребность в книгах родилась,
И вот в величественном звуке
Душа моя отозвалась,
А ум окрепнул осознаньем,
И стал с гордыней я взирать
(Обиды новая печать
За идеалов поруганье),
И стал с гордыней я взирать,
И с злым презреньем хохотать

Над мировою суетою...
Но, слава Богу, что собою
Доволен всё же я не стал,
И сердца прежний идеал
Вновь поманил меня рукою!
И вот с ожесточеньем воли
Через сомненья, вялость, лень,
Отчаянье и злую пень
Ищу Божественной Юдоли,
Где Простота и Мудрость — свита;
Где Истиной на мир пролито
Так много скорби и любви...
То мой удел... Внимайте ж вы
Моих страданий звукам верным,
Оставьте быт, что чувства глушит,
И состраданием примерным
Познайте собственные души!

24 сентября 1989 г.

ВОСЕМЬ СОНЕТОВ

А. Т.

1

Нет прежнего во мне: и разговоры
Души и страсти стали тяжелей,
И некогда восторженные взоры
Угасли в пылкой тщетности моей.

Но я люблю, — и в сердце нет смиренья,
Коль, вспоминая прошлого черты,
Заноет грудь от ясного виденья
Когда-то благосклонной красоты.

И яростней становится желанье,
И гордость уязвлённая падёт
За лёгкое руки твоей касанье,
За прежний взгляд, что милость подаёт.

И нет ни в чьей душе правдивей звука:
Люби меня, о, ангел мой и мука!

2

Для ненависти слишком робок шаг
Любви моей, усталой и унылой;
Я сам себе порою словно враг
В отчаянье слепом и торопливом.

Но если ты подаришь мне любовь,
И я к тебе безмерно стану ближе,
И если вдруг остынет твоя кровь,
То, может, я тебя возненавижу.

Прости ж мне эти лишние слова,
Которых мы ещё не испытали, —
Так часто вторит сердцу голова
И страхом разбавляет яд печали!

Безумия, сердечной пустоты
Не испугаюсь, коль причиной — ты.

3

Где вкрадчивость — там нет любви,
Там только похоть иль тщеславье.
За что же я томлюсь в изгнанье?!
За то, что сердце до крови

Натёр своею страстью *узкой*?
За то, что я душою русской
До суеверия и страха
Люблю тебя? За то, что плаха

Мне эта— счастие даёт,
Когда, уставший быть мятежным,
Встречаюсь снова с взглядом нежным,
И сердце сладостно поёт?!..

Что ж!.. Пусть всё будет так, как было!
О только б ты меня любила!..

4

О, если от любви твоё коварство,
То мучь меня! Пусть боль моя — залог
Любви к тебе, а искренность — лекарство
От всех твоих сомнений и тревог!

О, если от любви твоё коварство,
То как душой измучилася ты,
Коль мыслишь, что для сердца страсть опасна,
А жаждешь лишь своей неправоты!

О, если от любви твоё коварство,
То сколько же раскаяний и слёз
За все мои мученья и мытарства
Твоей душе изведать довелось!

О, если так, то как я, гордый, мог
Не пасть ещё рабом у твоих ног!

5

Когда с моею страждущей душой
Лукавит ум, и я шепчу, как в тягость,
Что неба величавость и покой
Есть только лишь покой и величавость;

Что в людях правда злобно весела
И счастлива позорною привычкой
Прощать себя или не видеть зла
И то ценить, что от добра отлично;

Что страсть порой, глумяся над душой,
Внушает ложь, — и вот уж сердце снова
Пресыщенность пугает пустотой
И холодом неискреннего слова,

То, жалуясь, я всё-таки шепчу:
Как, ангел мой, с тобою быть хочу!

6

Для сердца своенравного довольно
И тени ускользающей мечты,
Чтобы стереть приличия черты,
А добродетель *вышколить* невольно

В угоду прихоти; а нынешние взгляды
В стыдливости сокрытые награды
Прозрели ущемленье наших прав,
Убогость сердца *веяньем* назвав.

Но жаль мне не того, что одурь слепо
На гробе предка пляшет, — мучусь я,
Что ты — порою отраженье неба —
Так мощен дух, — на привязи вранья.

Я лишь хочу, чтобы желаний сила
Духовность патокой мирскою не убила.

7

Оставь, мой друг, услады пылкой вздор!
Не досаждай участьем неумелым!
Её душа, как и моя, болела, —
За что же к *ней* твой ветреный укор?!

Когда б ты знал несправедливость пени!
Мой друг, мне за гордыню суждено
С тобою пить постылое вино
И мучиться в плену угрюмой лени!

И если б не позорный мой покой,
Я б рассказал, какою страстной лаской
Под той же гордой, своенравной маской
Она порой горела... Друг ты мой!

Я сам себя терзал и мучил этим
Ту, что была дороже всех на свете!..

8

Как душу скорбную томят
Мятежных дней воспоминанья
И как болезненно желанье
Вернуться к прошлому, назад!

Как больно опытным умом
Твоей души живые звуки
Боготворить и ждать хоть муки
Душе, поверженной огнём

Неутолённой мрачной страсти,
И видеть твой пытливый взгляд,
И знать, что зря меня томят
Желанье слёз, желанье счастья...

Кто побеждён, тот и наказан,
Но как с мечтой расстаться сразу?!

1989 г.

ФИЛОСОФ

Одинокий и безродный,
И по летам молодой,
Жил философ благородный
С гордой, пылкою душой.
Был неглуп, хорош собою,
Но томился средь людей, —
Устремлялся же душою
За фантазией своей
И, стремяся не по летам
В тайны жизни заглянуть,
С вдохновением поэта
Не давал себе уснуть.
Так прошло четыре года,
Но однажды, мыслям врозь,
Что-то *сделала природа*, —
И сомненье родилось.
И, смущённый тем сомненьем,
Вечерами он бродил,
Нежил сердце искушеньем
И роптал, что *мало жил*.
А потом в тоске бессильной
Он у Бога попросил:
«Если сердце неповинно,
Сделай так, чтоб я любил».

То ли небом, то ли адом,
Но ниспослана была
Сердцу пылкому награда,
И любовь огонь зажгла.
Но следы её горенья
(Гордость дух больной попрал,
Робость злила нетерпенье,
Страсть рассудок презирал...)
Так глубоко отразились
На возвышенном лице,
Что явилась с неба Милость
И дала покой в конце.
И, пройдя и ад и небо,
Он судьбу благословлял:
«Пусть я жил безумно, слепо,
Но я многое узнал!»

1989 г.

ИЗ КНИГИ ВТОРОЙ. «ПЬЕТА»

(1989–1993 гг.)

* * *

Когда, мой друг, ты в жизни, как в пустыне
Окажешься, где некого любить,
Где не на ком свой взгляд остановить
Не потому, что хочется гордыне

Величия, а потому, мой милый,
Что дан тебе от Бога сердцу был
Огонь и дух, избыток чудной силы,
Который ты напрасно загубил

Среди людей, то ты, ценя страданья,
На Бога не ропщи. Настрой же слух
На внутренни свои воспоминанья:
Искусству посвяти себя, мой друг.

Ему вверяй свои душевны силы —
Оно тебе облегчит путь унылый.

1989 г.

* * *

Не верь, мой друг, глазам своим,
Коль видишь, будто я доволен
Своей звездою; я не волен
Собой и сердцем нелюдим.

Я испытал, что значит рок,
Что возвышается над всеми,
Но одиноких тяжко бремя
Вещать свой жизненный урок.

Беда не в том, что мерой сил
Души является бессилье,
А в том, что эти божьи крылья
Средь смертных редко, кто носил.

И только смутная надежда
Моя — блаженная невежда.

1989 г.

МОНОЛОГ МОЕГО ДОН ЖУАНА

Вернуть былые заблужденья
Желать смешно, но почему
Противны сердцу моему
Его ж унылые сужденья?!
Бездействие души постыло
Самой душе! И воли сила
Влечёт к поступкам с напряженьем:
«Коль счастья нет, то всё уж было,
Смирись и обратись к добру;
Презри желаний устремленья,
К чему обиды униженья
Терпеть высокому уму?..»
Иль что-нибудь в таком же роде...
А сам сужу лишь о погоде,
Шучу, кучу и сердцу скучно,
И с идеалом неразлучна
Моя душа... И мыслю я,
Что всех томит одно и то же,
Что без любви постичь не может
И гений смысла бытия;
Что испытать и соизмерить
С мечтой — обязанность творца;
Что нет несчастнее лица,
Который отказался верить
В значенье и величье жизни;
Что в злой и мрачной укоризне

Пустынника — глухая зависть
И честолюбие страдальца,
И как, к примеру, не исправить
Проклятьем сломанного пальца,
Так он не может сострадать
Тому, что призван презирать...
Так я спешу уверить душу
Предназначеньем, как на сушу
Поникший парусник спешит,
Былою бурею разбит...
Но дни текут, — я побеждаю
Уныние... И вот опять
Спешу я сердце волновать
И новой страстию пылаю!..

Декабрь 1989 г.

* * *

Моя терновая стезя
Чурается пустой забавы, —
Я слишком знаю, что нельзя
Не презирать молвы и славы.

Я чту, что сердце говорит...
И пусть в нём будет мало света,
И пусть оскоминой болит
Язык усталого поэта, —

Я знаю, — наступает час
И за грехи людские, где-то
Вдруг раздаётся Божий Глас
Из уст случайного поэта!

21 января 1990 г.

ВИТАЛИКУ Х.

(из письма)

За год один я прожил жизнь:
Я ведал всё, но счастья мало.
И вот без поздних укоризн
Хочу опять начать сначала.

Благослови ж меня, мой друг!
Пусть мне фортуна улыбнётся,
Пусть благодатью дух упьется,
А не печалью новых мук.

Устал... И, кажется, ещё
Один мятежный год — и крышка:
Мне 25, курю, одышка,
И худ, как нищий из трущоб.

Так поскорее приезжай
Ко мне гостить хоть этим летом.
Я расскажу, как стал поэтом,
А ты на ус себе мотай!

18 марта 1990 г.

ЭЛЕГИЯ

Я невысок в своём происхожденье
И вырос в очевидном униженье,
Но с юных лет священная любовь,
Что помыслы высокие питала,
Мой нрав облагородила и кров
Дала для процветанья идеала.

Тогда я вышел в поисках богов.
Я целью благородною задался.
Я вырвался из тягостных оков
Всеобщей косности, в которых задыхался.
Но нет богов средь смертных! — много дней
Я жил младою силой упованья,
Но, наконец, постигнул и людей,
И тщету благородного мечтанья.

1990 г.

КАНИКУЛЫ

1

В душе живые впечатленья
От видов родины моей
Угасли скоро... Пару дней
Ходил я в трепетном волненье
По душным улицам, где я
Уж не бывал опять полгода.
Воспоминаньями живя,
Столь подряхлевшая природа
Моей души слегка грустила:
Ей прошлое казалось мило...
Но не люблю грустить о том,
Что минуло: невольна жалость
К себе слабит меня и малость
Досадно на себя потом
И пусто как-то... Да к тому же
Так часто слышишь от людей
Их ропот глупый и досужий
И жалость к участи своей,
Что удержаться от презренья
На сокровенны сожаленья
Свои не в силах я... Но это
Не сердцевинный срез предмета,

О коем высказать хотел
Я мысль свою. — Кто верит в Бога,
Тому судьбы своей дорога
Есть путь к блаженству, и предел
Не существует... Иль, к примеру,
Рассудком презирая веру,
Иные завершают путь,
Влачась до гроба как-нибудь
С тем равнодушием и скукой,
Что верный след того, что мукой
Была им жизнь... А, впрочем, вижу,
Мне этой темы не поднять:
Лишь только истину обижу.

Итак, два дня ходил гулять
Довольно бодро я, но вскоре
Асфальт, машины, детвора,
Безделье, скука и жара
Мне дали знать, что уж пора
Уехать к бабушке, где море
Волнами брег пустынный бьёт,
Где позабыв мертвящий год,
Упьюсь живительной свободой
Средь величавой красоты,
Не скованный столичной модой
Жить напряженьем суеты.

2

И вот на море я... Но прежде
Хочу довериться надежде
Найти свой глас в созвучье дней
Давно минувших... Ну! живей
Играй моё воображенье,
Чтоб, оживляя впечатленья,
Парить, как прежде... Здравствуй, море!
Как сладко дышит на просторе
Младая грудь! Как жаждет жить!
Как рвётся духом проскользить
По беспредельной зыбкой глади!
Так младость, не познав страстей,
Рукой невинной мнёт тетради
Для поэтических затей,
Томится, не находит слова,
А мысль без корня, невесома
Парит высоко... Но, бывало,
Межводное* меня спасало,
Даря живительный приют
От яростных сердечных смут,
Внушая мысль, что сердца страсть
Есть всё же низменная часть

---

* *Название села в северо-западной части Крыма.*

От целого; что дух мой вечен;
Что срок земного быстротечен;
Что, не жалея ни о чём,
Легко земли оставить дом...

3

То было прежде... Ныне, ныне
Не то со мной: с душой холодной,
От чувства высшего свободной,
Бродил (как будто был в пустыне)
Уже на третий день я... Скука
Меня заставила искать,
Чем можно время коротать,
И я нашёл: стрелять из лука,
Как бессердечный Купидон,
В сердца красоток. Обаянье
Служило луком, было слово
Стрелою и — огонь! — готово
Знакомство: ум чужой пленён
И завоёвано вниманье...

Но это ль то, что нужно мне?..
Нет, нет! Скорей бежать, покинуть
Места, где страсти на коне,
А конь давно успел остынуть,

Коль конь — душа... (Пример хорош:
Он наизнанку бы, казалось,
Суть вывернул, но мне досталось
Такое знанье: правду ложь
Выводит к истине — и это,
Быть может, страшно для поэта.)

И вновь я дома... Слава богу!
Каникулы идут к концу:
Билет на поезд и в дорогу...
По загорелому лицу
Сбегает лёгкая улыбка,
Светло и просто в голове:
Пусть в прошлом многое — ошибка,
Но всё исправится в Москве!

Конец августа 1990 г. Симферополь

* * *

Когда божественным отмеченная сила
Дала великодушные мечтанья
Моей душе, взиравшей сиротливо
На чуждый мир и чуждые страданья, —

Я верил помыслам... Мечтая с упоеньем
О торжестве ума и доброты,
Я на людей взирал с ожесточеньем
И презирал их мелкие черты.

Но годы шли... Язвящие желанья
Смутили душу и рассудок мой,
И чрез тернии счастья и страданья
Мне ближе стал печальный мир земной.

Но помыслов высоких вдохновенья
Хранят средь бурь надежду и терпенье.

1990 г.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Душа моя любить ещё желала
С тех давних и почти забвенных пор,
Когда едва очерчены начала
Влечений смутных, наполнявших взор
Невинным любопытством, неизбежно
Венчавшихся вопросом: что она? —
Зачем так странно телом сложена?
(И помню — я не раз ломал прилежно
Свои едва окрепшие мозги
Над странностью телесного сложенья.
С тех пор прошло сто лет; все впечатленья
Сменились на другие, но, средь зги
Пространных лет, я помню напряженье
Раздумий важных... Но, пожалуй, это
Не суть того, что можно, чуть дыша,
Назвать умильно: детская душа.
А потому, я поищу поэта
В себе, чтобы наглядно изложить
Всё то, о чём успел уж заявить.)

Итак, моя душа любить желала
С тех давних и почти забвенных пор...
Я помню девочку: её печальный взор,
Сердечность та, с которою играла
Она с любимой куклой, кроткий вид
И личико красивое в веснушках,

И розовые маленькие ушки,
И слёзы горькие от ветреных обид
Приятны были мне. Её любил я
Развеселить, чтоб, счастливо смеясь,
Она со мной играла, не боясь
Найти обидчика, и, кажется, что был я
Сам счастлив той минутою, но всё ж
Мне больше доставляла наслажденья
Внезапная обида: словно нож
Входил в неё, — рыдая в исступленье,
Её страданья шли из глубины
Сердечка чуткого. А я над ней стоял
С неясным ощущением вины
И с сладостною мукой состраданья
И нежности — и, весь трепеща, ждал
Сладчайшего: когда меня рыданья
Вдруг содрогнут... О, мой сладчайший миг!
Какие муки я тогда постиг!
Поймёте ль вы? Иль скажете сурово,
Что это для любви невинной ново;
Что мальчику пристойно защищать
Избранницу свою, а не ломать
Ей сердца?.. Эти замечанья
Вполне разумны, но моё признанье
Касается меня, и ваш укор
Суть естества не изменит нимало.
Ведь впрямь моя душа любить желала
С тех давних и почти забвенных пор!..

14-17 сентября 1990 г.

ОТРОЧЕСТВО

Смущая робкий дух сомненья
Мечтаньем в сладостном бреду,
Я рос, витая с упоеньем
В коммунистическом саду.

И избегая мир отступный,
Что не вмещал мой идеал,
Хранил в душе алтарь преступный
И слёзной верой окроплял.

Так в упоенье простодушном,
Тая высокие мечты,
Я уживался в мире душном,
Среди духовной пустоты.

27 сентября 1990 г.

* * *

Ю. А.

Как не томись я знаньем света,
Как не мечтай под Рождество,
Всё, наконец, поглотит Лета,
Сровняет пыль и божество.

Лишь ты, надменная подруга
Того, что нынче — атавизм,
В мой час унылого досуга
Колеблешь цепкий пессимизм.

Когда бросаешь чудный камень
Ты в кем-то выстроенный хлев,
В твоих очах — нездешний пламень,
В твоих речах — нездешний гнев.

И в этот миг мне всё глядеть бы,
Не разбирая смысла слов,
И восклицать: «Раз Юлька — Ведьма,
Я верить в Господа готов!»

29 октября 1990 г.

ВЕСНОЙ

Весна минувшая была
Лишь откровением постыдным.
О, как мне стало очевидным
Томленье хаоса и зла,
Когда, в плену изнеможенья,
Я в ужас цепкий приходил
Перед бесцельностью томленья
Всех этих вешних, мутных сил...

31 октября 1990 г.

* * *

Когда брожу отшельником угрюмым,
Пеняя на уныние свое,
Кошмарные, навязчивые думы
Над тем, что называют «бытие»
Меня волнуют до изнеможенья.
Всё кажется: недавно я готов
Был восклицать призывно: «О, терпенье!
Там — Идеал» — и — как среди штормов —
Душой своей среди волнений страсти
Я управлял и счастлив был напасти.
Но шторм утих; я, бедный капитан,
В смущенье зрю, как из сердечных ран
Струится дух нежданных откровений...
И видится, что волею томлений
Я в заблужденье был так много лет...
Ужель всё так? и мне открыт секрет
Механики душевных устремлений,
Где цель бессмысленна, а тайны Божьей нет?

6 ноября 1990 г.

* * *

Где, милый друг, среди тщедушных,
Среди напыщенных глупцов
Найти мне пару подлецов
Не столь сердцами малодушных,
Чтоб хоть враждою заменять
Привычку хладно презирать
Людей?.. Увы, увы!.. Когда б влюбиться,
Чтоб хоть немного измениться
И, если б Бог дал, то добрее
Мне стать... Но, следуя затее,
Я вижу, что среди красавиц,
Чей безупречный ровный глянец
Напоминает мне давно
Американское кино,
Меня уныние стесняет
И неудачей огорчает...
Минуту-две... А потому
Нет больше сердцу моему
Занятий средь толпы ничтожной,
Умеренной и осторожной!..

1990 г.

* * *

Забросил я писать сонеты,
Пишу лишь вялые вирши.
Но ты, приятель, не спеши
Напомнить мне о струях Леты.

Я гибок, словно уж, и чувству
Я форму новую найду.
Я близок всякому искусству,
Как близок с юности труду.

Мне новый видится сейсмограф
Моей изменчивой души;
Мне грезится кинематограф
И мысли — славно-хороши!

28 декабря 1990 г.

К ПОРТРЕТУ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В возможность счастия не верил
Сей выдающийся поэт.
Он глубину страстей измерил,
Но был убит в расцвете лет.

Как знать, когда б рукой жестокой
Он не был бы повергнут в прах,
Он, может, стал бы русский Бах
С душою пламенно-высокой.

Он возмужал и был готов
Для просветлённых вдохновений,
Но, видно, был он слишком гений,
Чтоб из своих же заблуждений
Уйти без жертвенных даров.

И вот чрез тернии исканий
Я говорю: искать страданий —
Мечта нестойкого ума.
Ищите счастия, а тьма
И муки — зреют сами.

12 января 1991 г.

* * *

Когда бы я себя не тешил
Надеждой счастия, а ты
В мои призра́чные мечты
Не возвращалась, то опешил
Я б перед жизнью... Потому-то
Когда затеют торг и смуту
Все духи зла в моей груди, —
Я возбуждаю впереди
Твой образ, как мечту иль сказку,
Или как божию подсказку, —
И боль расходится в груди.

17 января 1991 г.

ПО-ДОН-КИХОТСКИ

Того, что было — не вернуть.
Я на коне — и снова в латах.
И в новый отправляясь путь,
Не надо думать об утратах.

Не надо думать, что могло б
Со мной чудесного свершиться,
Когда бы бешеный галоп
Мог за чертой остановиться.

За той чертою, где предел
Бесстрашья, муки и блаженства,
Куда Кихот сквозь мрак летел
С безумной жаждой совершенства!

24 января 1991 г.

* * *

Мне счастья хочется давно
Обычного, земного.
В нём для рассудка моего
Так много дорогого.

Рассудок! Сколько раз со мной
Играл он и лукавил.
И всё ж меня один лишь он
Пока что не оставил.

Уже душа не стеснена
Напором юной страсти;
Уже исчерпаны до дна
Слова о злой напасти.

А, значит, надо как-то жить,
К чему-то вновь стремиться.
Нельзя минувшему служить,
Где нечем поживиться.

Пусть я сегодня зол и груб,
Пусть к прошлому неточен,
Пускай мой сердцевинный сруб
Ничтожным озабочен,

Но с настоящим я всегда
Соотношусь в искусстве.
Перо не ведает стыда
И в малодушном чувстве.

29 января 1991 г.

ПЬЕТА

Как говорил один философ:
Мне истина дороже родины.
Один — томится от вопросов,
Другой — по ягодам смородины.

А я томлюсь мечтою прежнею:
Найти себе такого счастия,
Где, может, сердцу безнадежнее,
Но где ко всем живёт участие.

Тот, что томится от вопросов,
Ответ коварнейший получит,
И, рефлексируя, философ
Себя сомненьями размучит.

И, цепенея от догадок,
Сбежит на лоно он природы,
И будет сердцу грустно сладок
Вид на поля и огороды.

Затем — как на природе водится —
Он усыпит свои сомнения,
И смысл жизненный откроется
Лишь в непрерывности движения.

И находясь душою в статике,
В той мёртвой точке откровения,
Он вдруг постигнет, что в прагматике
Живёт такое же томление.

Что это самое томление,
Пусть согласованней, возвышенней,
Живёт в поэтах, чьи стремления
Лишь простодушней и услышанней.

Что в жизни этой, может, главное
Не то, что благотворно слуху, —
Не помощь бесконечно дальнему,
А помощь собственному духу.

И вот уже с высокой кафедры,
Пред всею братьей желторотою,
Предаст возвышенной анафеме
Всё то, над чем всю жизнь работал он.

И скажет в заключенье слово он:
«Ищите счастья очень личного.
На нём всё лучшее основано.
Нет к знанию пути отличного,
А там — кому что уготовано».

А братья с мелкодумной миною
Даст волю грязному сомнению,
И станет шуткою игривою
Всё, что считал он откровением.

И оклеветанный, непонятый,
Уйдёт без дружбы и участия.
И будет, словно Богом нанятый,
Искать задуманного счастия...

30 января 1991 г.

* * *

Нет так-то просто, милый друг,
Расстаться с тем, что прежде было
Так драгоценно; память — сила,
Что истребляет мой досуг.

Сказать ли?.. Сердце позабыло
Свои безумства и мечты,
А ум твердит: за всё, что было,
Несёшь повинность только ты.

За что же так? Мой друг, ведь я же
Любил, как тысяча других
Любить не могут, если б даже
Страстей познали бы моих.

Мой дух сильней страстей томился!
А ум твердит: ты провинился!

3 февраля 1991 г.

СОВЕТ

Если жизнь тебя обманет...
Александр Пушкин

Когда ты холоден душой
(А это, друг мой, неизбежность)
Спасает от тоски глухой
К воспоминаниям небрежность.

Умей тоскою пренебречь.
И в легкомыслие, беспечность
Умей рассудок так облечь,
Чтоб в настоящем плы́ла вечность.

Скажи себе: «Я не хочу
От жизни ни добра ни худа.
Я Року дани не плачу,
Раз позабыл иду откуда.

Я в настоящем растворён...»
(А настоящее прекрасно —
Раз ты душой не вовлечён
В воспоминания опасны.)

Здесь ощутишь, что снова чист.
Что жизнь загадка, как и прежде, —
Как с иероглифами лист,
Что дан беспечному невежде.

14 февраля 1991 г.

* * *

Я хладнокровен, но вокруг
Гляжу поверхностно и еле.
Не понимаю слов, как «друг»,
Как «благородство общей цели».

Давно доверившись судьбе,
Не помышляю об отваге.
И размышляю о себе,
А не о всенародном благе.

Гляжу на прошлое свое
Без зависти и сожаленья
И — раз постигнув бытие —
Чураюсь жизни треволненья.

Раз попадаясь на искус,
Даю отчёт себе за это.
И разве только не смеюсь
Над тем, что в юности пропето.

1991 г.

О РЕМЕСЛЕ

Дороже мне из пустоты
Внезапно явленное слово,
Чем возведенье красоты
До матерьяла неживого.

Я должен разрушать и жечь
Оставленные духом храмы,
Чтоб стройность новую извлечь
Из хаоса душевной драмы.

1991 г.

ИЗ КНИГИ ТРЕТЬЕЙ. «ВРЕМЕНА»

(1992–1995 гг.)

* * *

Опять весна. Мне двадцать семь.
Забыты прежние напасти.
Я счастлив, в общем, только тем,
что затянулись раны страсти.
Я беден, даже нищ скорей,
нет дома у меня, но всё же
я лишь поэт, а не злодей, —
мечты богатства мне дороже.
Пора, пора подумать мне
о предприятье величавом.
Пусть опыт, что лежит на дне,
даст силу оказаться правым.

5 мая 1992 г.

ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЕНА»

УТРО

Я вышел на балкон, едва лишь
проснулся и протёр глаза.
Не *господин*, а лишь *товарищ*
из такси грузно вылезал.

Он дверью хлопнул так, как будто
он вылез из грузовика.
Качнулась «Волга», и минута
была водителю горька.

А я стоял в трусах и кепке.
А солнце мне ласкало нос.
А рядом на большой прищепке
сушилась пачка папирос.

Её я уронил случайно
вчера в тарелку с супом. Но
скажу вам правду, — здесь не тайна, —
я не курю уже давно.

В кровати, за моей спиною,
лежала женщина клубком.
Так вот, её сушилась пачка,
что в суп упала вечерком.

А я же чист. И с никотином
порвал навек. Я лишь вдыхал
весенний воздух, что с бензином
водитель «Волги» намешал.

ВЕЧЕР

Пришёл, разделся после терний
дневных. Чуть жив упал на стул.
Но вскоре жизни шум вечерний
меня... нет, нет, он не втянул

в круг элегических раздумий
меня. Но я услышал мир
ушами призраков иль мумий, —
он динамичен был, как пир.

Стемнело быстро. И до слуха
всё доносился рок-мотив.
Но вот в окно влетела муха,
во мне философа убив.

Я подскочил со стула разом,
ладошки рук упёр в бока
и стал коситься злобным глазом
на жёлтый угол потолка.

И «Независимой газетой»,
статьёй про русское кино,
ударил по мерзавке этой
и трупик выбросил в окно.

Луна зажглась. Статичным небом
я был доволен. Сел на стул.
Сейчас попью чайку я с хлебом
и Ходасевича прочту.

НОЧЬ

Накрывшись старым одеялом,
свернувшись радостно клубком,
я замер, наслаждаясь малым,
не помышляя ни о ком.

Но запах простыни занятный,
что нос мой грубо щекотнул,
напомнил образ мне приятный,
что как виденье промелькнул

и скрылся... Хватит, я пресыщен!
А, впрочем, если бы она
сейчас... Но нет!.. Врага отыщем —
всё это полная луна.

Я штору на окне задернул...
Довольно думать об одном.
За стенкою сосед мой пёрнул,
вот подал голос управдом.

А может быть не управдом он,
а просто честный человек.
Подростки прекратили гомон,
добрались, видно, уж до нег.

Как хорошо на этом свете
ругаться, лаять и гулять.
Но лучше нет, чем на рассвете
свалиться замертво в кровать...

ПОНЕДЕЛЬНИК

Что понедельник день тяжёлый —
известно. Вот вам мой этюд.
Проснувшись утром, невесёлый,
лежу, плююсь, ну, как верблюд.

Москва, Москва!.. Что в этом звуке?
Какого чёрт сюда принёс?
Что толку в знаньи и науке
когда я вымотан как пёс?

Нет, надо сваливать отседа.
За что меня карает рок?
Вчера ещё я просто мог
поспать едва ль не до обеда!

Затем я встал. Умылся, зубы
почистил. Мыльницу сложил.
Вдруг зарычали где-то трубы.
Я полотенце уронил.

Ах, чёрт... Вернулся в комнатушку.
Оделся. Чайник закипел.
Я выпил чаю, скушал сушку
и песню бодрую запел.

Нет, правда, что это, ей-богу,
за лень такая? Надо мне
себя расталкивать немного,
чтоб жить как в западной стране.

ВТОРНИК

Сегодня мне она звонила
по телефону. Я едва
вошёл в квартиру. Солнце било
мне по глазам. А голова

была пуста, как комнатушка,
в которой я живу. Но вот
меж ног зашевелилась пушка, —
то одноразовый Эрот

виденья воскресил такие,
что я готов был подрочить.
Она сказала: «На любые
дни назначай». Конечно — *быть*!

«Но только воду отключили
горячую на месяц, — я
сказал на всякий случай, — или
на две недели». «Вот свинья,

кто это выдумал». «Конечно,
но всё ж в субботу приходи».
Мы поболтали и беспечно
с ней распрощались. И в груди

вновь стало пусто и приятно.
Сейчас супец себе сварю, —
слюну глотнул, — мозгам занятно, —
я суп порой боготворю.

ЧЕТВЕРГ

Так, так. Всё ближе выходные.
Я туфли снял, я снял носки,
переоделся и дневные
стряхнул заботы. И тоски

не испытал от стен жилища.
Здесь хорошо. Куда идти?
Вот в холодильнике есть пища,
вот я, стоящий на пути

к чревоугодничеству. Это
основа благости моей.
Попробуй, умори поэта
голодной смертью, он детей

на сковородке станет жарить.
А я — так хуже, чем поэт.
Я в детстве, например, ударить
мог девочку моих же лет.

Пивца мне хочется, но с пивом
сегодня попадёшь в наклад.
От пива будешь *видеть* криво —
так детям дяди говорят.

Я отломил кусок колбаски,
зелёный лук макнул я в соль
и очутился словно в сказке,
где только не было Ассоль.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Спать, спать и спать. А завтра снова
идти работать. Вот и всё,
что мне отмерено. Не ново
мне знанье твёрдое моё.

К чему роптать? Ведь я не болен.
Легко мне должно крест свой несть:
я не влюблён, собой доволен,
я одинок, жилище есть.

Так что ж тоска? Как будто мчался
я к цели, но свернул с пути
и духом пал, и растерялся,
и понял — некуда идти.

Шок был когда-то. Но давненько.
Теперь-то к жизни я привык.
Душа моя — пенька сырая,
и стал болтливей мой язык.

Но хватит. Вон, визжат колёса
автомобиля за окном.
Какой-то юный недоносок
сидит за папиным рулём.

И скоростя переключая
его кургузая рука
касается до платья края
девицы, пьяненькой слегка…

ЯНВАРЬ

У магазина «Продуктовый»
стоял продрогший человек.
Он был одет в костюмчик новый,
но почему-то кушал снег.

А рядом женщина стояла
с лицом, как алая заря.
Мужчину за рукав держала
и укоряла почём зря.

Старушка продавала «Яву»,
мужик, ещё в расцвете сил,
мне предлагал Акутагаву,
но слишком дорого просил.

А в недрах, где-то под землёю,
пронёсся электрички гул.
Я поскользнулся и туфлёю
воды студёной зачерпнул.

Я выругался мрачно, грубо,
соскрёб ногтём кусочек льда,
к носку приставший, и сквозь зубы
сказал себе: «Вот это да!

Теперь по этакой погоде
замёрзнет мокрая нога».
И побежал, и был на взводе,
и вот уже стихи слагал.

МАРТ

Ещё в полях белеет снег,
а уж в Москве и грязь и лужи.
Что ж негодует человек?
Ах, это просто он простужен.

Простужен он. Но всё спешит
доделать то, доделать это.
А ночью видит он, хоть спит,
как выпускается газета,

где все четыре полосы
чисты, как снег в полях. И следом
уж видит капельки росы,
он маленький, за ручку с дедом

идёт меж трав. Кругом поёт,
что может петь. А та газета
порхает бабочкой, её
зовут капустницей. И летом

таких полно. И вот уже
он просыпается от муки.
Затем в кровати, в неглиже,
сидит и ловит ухом звуки

ночного города. И гул,
столь устрашающий порою,
влечёт его поникший ум
к самодовольному покою.

МАЙ

Сегодня треснуло стекло
от переменчивой погоды
в моём подъезде. А мело,
представьте, снегом. У природы

не всё в порядке с головой.
Ведь май кончается и зелень
кругом. Уж месяц, как домой
я приходил не в тень, а в темень

от зелени, что за окном
моим растёт. И вот вам спектр.
Метёт, как будто бы Содом
с лица земли стирает *Некто*.

Ну что ж. Заслуженный урок.
Всё кончится, должно быть, хуже.
Гляжу: прошёлся ветерок
по разрастающейся луже.

Скорей на кухню. На плите
горит огонь. Я прикоснулся
к нему ладонями, затем
одёрнул руки, улыбнулся.

Да, всё по прежнему. Увы,
огонь нас жжёт, а холод студит.
А помню... Нет, забыл. А вы?
Кто помнит, что в грядущем будет?

ИЮНЬ

Был сильный ветер накануне.
Асфальт после дождя подсох.
Я в детстве, помнится, в июне
едал черешню и горох.

Но лучше то забыть. Уж слишком
воспоминанья давят грудь.
Вчера купил сальца с излишком —
во что не знаю завернуть.

Сходить ли, что ли, за газетой?
Пройти тут остановки две.
Спустился вниз. Шестое лето
встречаю в хладной я Москве.

Какие девушки гуляют
по закоулкам и дворам!
Они томны, они витают
попарно, группкой к облакам.

А мне так видится изнанка
всего, на что бы ни взглянул.
Водитель хмурый за баранкой
мне словно брату подмигнул.

Ребёнок корчится от боли,
а мамы уж простыл и след.
Я жизнью, в общем-то, доволен,
хоть думаю, что Бога нет.

ИЮЛЬ

Я из прохладного подъезда
шагнул на адский солнцепёк.
В июле даже гений бездарь,
если не пьёт он квас иль сок.

Но денег нет, чтоб выпить сока
прохладного как буква Щ.
Да и потом — одна морока, —
попьёшь — захочется борща.

Прищуренными я глазами
обвёл колышущейся жар.
Вон там, за ближними кустами,
щенок бездомный пробежал.

Он тоже от жары тоскует
и потерялся, как и я.
И, видно, тоже не ворует,
раз рёбра уперлись в края

его облезлой жёлтой шкуры.
Но тут он странно заглянул
в мои глаза. Одной фактуры
мы были с ним. Я протянул

к нему ладонь, но он отпрянул,
насторожённо прорычал,
прочь побежал и вот уж канул,
а я за хлебом побежал.

НОЯБРЬ

Усыпал первый снег сегодня
асфальт, деревья и кусты.
Я у окна стоял, как сводня
своих грехов и чистоты.

Я помню, мне открылись двери
в мир, где струилась чистота.
Но, кажется, чрез две недели
разлад случился, и мечта

став знаньем, скрылась в подсознанье.
Остался в сердце пустоты
объём. А снег — напоминанье,
он образ, символ чистоты.

Так я стоял и думал. Всё же
приятен сердцу первый снег.
И каждый ощущает то же,
что я — таков уж человек.

А если так, то есть надежда,
что всё это придумал Бог.
И пусть сегодня я невежда,
быть может, завтра я пророк.

Я засмеялся. Слишком точно
я знаю механизм игры.
Не верю я в любовь заочну,
устал от этой я муры.

3-20 июня 1993 г.

В ЕВПАТОРИИ

1

Здесь нет таких очередей,
как в Симферополе. За хлебом
я вышел. Улочкой своей
побрёл под синим чистым небом.
Татарские кругом дома.
А там, внизу, мечеть. Как тихо.
Природа говорит сама:
живи себе, не зная лиха,
ты в Евпатории. Ну что ж,
я и готов, но платят мало
мне на работе, так что дрожь
берёт от злости. У вокзала
морского дети, рыбаки
притихли, глядя на природу.
Я лебедей кормлю с руки,
а мой сосед глядит на воду.

2

На набережной хорошо.
Тепло. На небе нет ни тучки.
Я сделал верно, что пришёл
сюда. А эти закорючки,

что волнами зовутся, мне
напоминают, что недавно
я был ребёнком, и оне
вот также набегали плавно
на берег влажный. Но, увы,
не возвратить того, что было.
Ну и не надо. Головы
не стоит вешать мне уныло.
Жизнь только жизнь. И сверх её
стоит один весёлый разум.
.....
.....

3

Подул холодный ветерок.
На небе появились тучи.
С ладоней отряхнув песок,
я встал с песка и думал: скучен
вид непогоды. Побыстрей
домой что ли пойти? Там всё же
занятье есть.....
.....

4

Как холодно и склизко. Быр-р!
Который час? Лишь пятый. Скоро
совсем стемнеет. Сердцу — мир,
желудку — голод. Лютый ворог
мне пожелал бы лучших дней.
Действительно, что за убогость.
Какой-то старый дуралей
у магазина чистит ноготь
отвёрткой. Он-то не поймёт
моей печали. Впрочем, я-то
могу держать, когда придёт
час Правосудья, как за брата,
ответ за этого хрыча.
А, впрочем, он иного сорта.
Он, может, верит в Ильича,
а я не верю даже в чёрта.

5

Как ночь черна. Ни фонаря
зажжённого. Вот это город!
Как видно, не желают зря
безлюдье освещать. Я молод
в такие ночи. Вот сейчас
на небо звёздное гляжу я

и думаю, в который раз,
как мир огромен. И живу я,
быть может, только для того,
чтобы Творцу сказать: «О, Боже!
Я часть лишь дела Твоего,
но я иль мне подобный может
воздать хвалу Тебе. Когда б
Ты вразумил меня. Я мерю
иною мерой жизнь. Я слаб
и потому в Тебя не верю...»

Январь 1994 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как низок этот потолок.
Как ломит боль мои суставы.
В какой-то каменный мешок
попался я. Куда, лукавый,
меня завёл ты? Это склеп,
а не жильё. Начнём сначала.
Послушай, помнишь, как нелеп
ты был то ль в тоге генерала,
то ли пророка, что на мир
глядел надменно, а душою
давно был пуст, как тот сатир,
не претендующий порою
на большее, чем *бля* сказать?..
Теперь ты видишь, что итоги
тобой заслужены, и лгать
тебе не даст Учитель строгий...

Январь 1994 г.

МОСКОВСКАЯ ОКРАИНА

В футбол играют мальчики.
Дождь морозит слегка.
Мужик несет стаканчики
на запах шашлыка.

Проходят мимо кучкою
подростки, веселясь.
Сидит старушка с внучкою
на лавочке, где грязь.

Все счастливы, как водится
средь тех, кто любит жить.
Авось и распогодится,
пойду и я бродить.

Не надо много мудрости,
достаточно в глуши
такой вот милой бодрости
и слепоты души.

1994 г.

СКЕПТИЧЕСКОЕ

Серый полдень за окном.
Я один. Уныло в доме.
Думай, думай об одном,
пребывай в глухой истоме.

Всё потеряно навек...
Нет, нет, нет! Ни в коей мере
не поверю! Человек,
даже если он о вере
без ухмылки и тоски
вспоминать уже не может,
всё ж до гробовой доски
чуда ждёт. А там положат
в гроб его, а он, бедняк,
(хорошо, коль умер быстро)
так и не узнает, как
обманулся в ожиданьях.

Март 1994 г.

* * *

Зелёные обои и портрет
Тургенева. На потолке потёки.
Мне скоро стукнет тридцать лет,
а я белею, одинокий,
на серой грязной простыне
в гостях и, в потолок уставясь,
хочу понять, что дальше мне
с собою делать? Сколько, маясь
от праздности, мне плыть и ждать
чего-то? Это ли не шутка
Создателя? И как понять,
коль нет надежды у рассудка,
зачем живу? Привычка жить?
Инерция? Страх смерти? Скука?..
Пустое... Встану и пойду-ка
налью чайку. Чтоб ощутить
в стихах и в жизни под ногами
мне почву, — надобно дробить
мир до молекул и слогами
учиться заново писать,
не доверяясь мысли смело.
Иначе ясно, что сказать
мне нечего... Такое дело.

1994 г.

* * *

Двадцать градусов тепла.
Солнце светит, небо сине.
Утро. Дворника метла
на асфальте. В магазине
пахнет рыбой и ржаным
хлебом. Очередь у кассы,
как обычно. Я воды,
хлеба и творожной массы
выбиваю. Да, хорош
будет завтрак. Жаль, потратил
много денег я. Ну что ж,
дело близится к зарплате.
А пока что насладись
этим утром. Между прочим
к внешней жизни приобщись
и задумайся о прочем.

1994 г.

* * *

И. Л.

Девочка моя хорошая,
я сижу на табурете и
жду, когда ты позвонишь мне, чтоб
встретиться с тобой на улице.

Ничего, сижу, не делаю,
лишь томлюся в ожидании,
и считаю, что напрасно так
я веду себя, как юноша.

Нужно волю проявить мне и
дело делать, чтоб избавиться
от глухого беспокойства, что
я бездействием сгублю себя.

А пока — сижу и жду звонка
телефонного и ем халву,
и надеюсь, что вот-вот уже
позвонишь ты мне, хорошая.

4 июля 1994 г.

ЭТАКАЯ БАЛЛАДА

Смятенье, исходящее от А,
надежда, исходящая от Б.
Иосиф Бродский

Из пункта А в пункт Б на полдороге
остановился путник наш убогий
и молвил: я не вижу смысла ноги
и дальше натирать. Я посижу.

«Ты просто неудачник», — говорили
ему его знакомые и были
недалеки от правды, он не в силе
был в это время, как я погляжу.

Он был в упадке. В полном был смятенье.
Его товарищи, не прекратив движенья,
за горизонтом растворились, рвенья,
как видно, поднабравшись на прямой.

Один лишь наш печальный проповедник
«жизнь — не прямая» говорил, намедни
поникнув головую, как Коперник
пред тупостью и косностью людской.

Он одинок был. Это я о плюсе.
В конце концов, герой наш оглянулся
и понял, что, не двигаясь, вернулся
в пункт А, откуда всякий выходил.

И вдруг увидел невозможно ясно,
что жизнь, пока он шёл, была прекрасна,
и что теперь опять надежа гласно
из пункта Б ему придала сил.

24 октября 1994 г.

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Сыро и прозрачно в парке. Осень.
Тишина. Людей в округе нет.
Каплет мелкий дождь. Я между сосен
по грязи и жухлым листьям след
оставляю каблуком и в воду,
в виде лужи, с нежностью смотрю,
ибо в ней, как в зеркале, природу
грустную, что сверху, узнаю.
Ветки лип, и туча, что клубится
словно дух неугомонный. Да,
как я рад, что в силах насладиться
зеркалом безмолвного пруда.

1994 г.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ЛЕСУ

Впадаю в графоманство, или это
накопленная сила вновь поэта
во мне живит? А, может, то, что лето
уже окончилось, и Болдинская осень
(о, если бы!) меня средь этих сосен
настигла и, друзьям уже не сносен,
ищу я прислониться где, и ручку
из книжки достаю, и закорючку
вношу на лист бумаги, и на тучку
невидящее око навожу.
Сейчас, сейчас я музе покажу!
Но нет!.. Я ничего уж не скажу,
чего бы вы не знали. И не надо.
Я сам устал от истин до упада.
Мне хочется, чтоб знания лампада
светила тем, кто у руля страны.
А я усядусь лучше на штаны
под сосенкой и буду ждать луны,
чтобы воспеть любовь и лепесточки.
Но жаль, что нет сухой в округе кочки,
а то б я сел и после «л» бы точки,
как Маяковский ставил... Впрочем, вру.
Пожалуй, я «любовь» перечеркну,
а вставлю-ка «берёзу». Я кору
её люблю. Вы поняли, наверно,
что о любви я помню лишь примерно

и потому, конечно, будет верно
не внутренний свой мир (что никакой)
живописать, а этот вот покой
наружный. Что и сделаю в другой
я раз. Природа совершенна.
Есть время у меня её отменно
зарисовать. Но не сегодня, верно.

1994 г.

* * *

Как чёрной тушью по белой бумаге —
скелет дерева на фоне неба.
Вчерашний снег тает. Капли влаги
висят на тонких веточках. Хлеба
я накрошил в кормушку из жести
для воробьёв на своём балконе.
Жду их. Спрятался в комнате. Вести
по радио слушаю. Вот на фоне
грязно серого неба с неясным звуком
самолёт проплывает. Прекрасно. Грустно.
Сумерки. Надо успеть за луком
сходить в магазин и хотя бы устно
прикинуть тему для сочиненья
нового. Я же писатель. Это,
хоть и смешно, а даёт направленье
жизни, даже спасает где-то...

1994 г.

ИЗ КНИГИ ЧЕТВЁРТОЙ. «УХО»

(1995 г.)

ВЕЛИКАН В МОСКВЕ

Хожу по улицам Москвы
средь вопиющей суматохи,
гляжу, как бегаете вы,
и подавляю свои вздохи.

Куда, куда спешите вы?
Зачем не смотрите на небо?
Здесь, в небе, возле головы
моей ищите себе хлеба!

1995 г.

ПРИТЧА

Видел я сегодня днём
в телевизоре такое:
всадник дразнит копиём
лошадь, что стоит в покое.

Он сидит верхом на ней,
и рукав его засучен.
На конце копья репей
или сена клок прикручен.

Лакомый пучок крутя
перед мордой лошадиной,
он смеётся, как дитя,
этой хитрости невинной.

Лошадь вздрогнула, пошла
за наживкой вожделенной
и слюною истекла,
глядя на пучок отменный.

Обманул скотину он
и рысцой бежать направил
за химерою на склон,
а потом в галоп направил.

И подумал я: ей-ей,
как судьба людей похожа
с участью скотины сей,
что в потугах изнеможет.

Но, однако, разум был
дан Адаму для того ли,
чтоб химерам он служил
по своей по доброй воле?..

1995 г.

ТРЕБУХА

Охо-хо да эхе-хе.
Тяжело жить требухе.
Дух ушёл на небо,
больше жить не треба.

1995 г.

СОН

Я проснулся нынче рано.
Что-то, чую, не в порядке.
В голове моей нирвана,
холодеют мои пятки.

Полежал минут пятнадцать.
За окном кричали дети.
Кто-то пробовал ругаться,
кто-то пёр на драндулете.

Грохотал трамвай надрывно.
Холодильник заработал.
Шумно было непрерывно —
мир по фене своей ботал.

Я лежал как отщепенец.
Я лежал урод уродом.
Не выкидывал коленец
наравне с моим народом.

Стало мне, однако, страшно.
Отрываться неохота
от народной, бесшабашной
стройки до седьмого пота.

Выглянул в окно скорее
успокоиться на рожах.
И нырнул назад быстрее,
и воскликнул: «Боже! Боже!»

Что стряслось с моим народом?
Я же, кажется, не пьяный.
Каждый выглядел уродом
с головою обезьяны.

Я опять к окну нагнулся.
Точно так: все обезьяны.
Как же так я обманулся?
Сколько ж я валялся пьяным?

Ай-ай-ай! Однако это
не причина, чтоб не кушать.
Я наелся винегрета
и сел радио послушать.

Вздор какой!.. Визжат и стонут,
что такое в самом деле?
Происшествием я тронут.
Что там, в рубке, обалдели?

Я, конечно, понимаю
как легко стать обезьяной.
Но никак не разделяю
этой перемены рьяной.

Нужно в рамках оставаться.
Нужно, знаете, стараться.
А иначе как же, братцы?
Как за мир не волноваться?

Ух, мохнатые какие!
Ух, как буркалами водят!
Галстуки висят на выях
и в костюмах они ходят.

Неужели обманулся
я в последних, ить, надеждах?..
Но внезапно я проснулся
на кровати и в одеждах.

Фух, да это сон!.. Как славно.
Страхи были-то пустые!
И рукой *мохнатой* плавно
я провёл по *жёсткой* вые...

1995 г.

ТРУСЛИВЫЙ МИЛИЦИОНЕР

А внизу здесь вот — Милицанер
Дмитрий Пригов

Страшно, страшно, страшно, страшно
биться в схватке рукопашной
с угрожающим мне Роком,
на меня глядящим оком
ой Медузы, ой Горгоны.
На моих плечах погоны
милицейские, и надо
мне по службе сего гада
превзойти, чтобы народу
над лежащую свободу
дать, но — ой, — взглянуть не смею
в око грозному злодею!..

1995 г.

ВТОРОЙ СОН

Я проснулся нынче поздно.
Тяготило что-то адски.
Ба! Да я жучок навозный!..
То есть этот… колорадский!..

Вот и лапки шевелятся
все в волосиках колючих.
«Отчего это так, братцы?!» —
восклицал в слезах горючих

я каким-то странным скрипом
вместо голоса былого.
«Липа! Девочка. Эй, Липа!
Это я, малыш твой Вова!»

Так я звал жену из кухни
и надеялся услышать
долгожданное: «Потухни!
Надоело тебя слышать».

Вдруг над самым моим носом,
преогромный, словно тазик,
наклонился с злым вопросом
престрашенный чей-то глазик.

В красных жилках, толщиною
каждая с верёвку будет,
он моргал передо мною,
так что ныло в моей гру́ди.

Я ещё ноздрю отметил
всю в пупырышках, как в оспе,
из которой жуткий ветер
вдруг пахну́л, как на погосте.

«Липа! Липа!» — доносилось
мной с стоическим терпеньем.
Но лицо перекосилось
у любимой отвращеньем.

«Ах ты, мерзкая букашка!» —
надо мной прогромыхало.
И меня моя милашка
в землю пяткою втоптала.

Я проснулся с диким криком.
Сердце адски колотилось.
Липа спа́ла с томным ликом,
и лицо её светилось.

Хорошо, что это было
лишь во сне, а не в натуре.
А жена моя красива,
да и я хорош в фигуре.

1995 г.

СТЕНАНЬЯ МУХИ

Я на грани, я на грани,
я на грани *вымиранья*.
Я запуталась в герани,
ах, какое наказанье!

Почему со мной такое,
а с другими всё в порядке?
Все летают, все в покое,
я одна застряла в кадке.

Надо мною пролетают
те, кто нынче правит балом.
И не знают, и не знают,
как я здесь воняю калом.

Страшно мне и одиноко
в этой чёрной липкой сети.
Как жестоко, как жестоко
всё устроено на свете!

1995 г.

ПАУЧОК

Я вишу на паутинке
целый день вниз головой.
В уши вставил по сурдинке,
чтоб не слышать жизни вой.

Жизни вой меня пугает,
я беспомощен и слаб,
кто ж меня не понимает,
тот кричит, что я-де *краб*.

Краб, мол, хищник ненавистный,
убирайся в океан,
там на камень сядь зернистый
и пугай рыбёшек клан.

Ах, за что такие речи
мне, висящему едва?
Взгляд поймайте человечий
мой доверчивый слегка.

Огорчён и неутешен,
говорю вам: я не краб!
Я на ниточке подвешен,
я, глядите, очень слаб.

1995 г.

ИНФАНТИЛЬНАЯ СОБАКА

Во дворе дрались собаки:
визги, лязги, море слёз.
В стороне от этой драки
молодой стоял барбос.

Он глубокими очами
на собачий зрел позор
и высокими речами
выносил им приговор.

Наконец, одна собака
в передышке подошла
к нему с речью: «Что за врака
тебе в голову пришла?

Что бормочешь ты, несчастный?
Почему ты не поймёшь,
что твой гневный лай напрасный
с толку сводит молодёжь?

Цели есть. Они понятны
и сопливой детворе.
Подключайся к нашей ратной
увлекательной игре».

«Да, — собака отвечала, —
нынче ж буду среди вас».
А сама потом сбежала,
только ей сказали: *фас*.

Ох, смеялися над нею
молодёжь и старики.
«Надо ей намылить шею», —
тявкнул маленький Кики.

1995 г.

НЕ ПОНИМАЮТ

В магазине по стена́м
вывешены тут и там
только что с завода
ходики с заводом.

Все они идут, и вот
обыватель, открыв рот,
тупо скользит взглядом
по часам и рядом.

Но однажды на стене
ходики, которых не
очень-то и видно,
встали вдруг. Обидно.

Из толпящихся зевак
лишь поэт увидел знак
в этом инфернальный,
став лицом печальный.

Перст приставив к голове,
он сказал: «Давно в Москве
всем часам пора бы
поломаться, дабы

каждый догадаться мог,
что того, что создал Бог,
времени — в помине
нет в сией пустыне».

И разгневанный поэт
вышел вон, а ему вслед
улыбались люди,
говоря: «Ну, будет...»

1995 г.

КУРИЦА, КОТОРАЯ РОДИЛАСЬ СРЕДИ МЫШЕК

Родилась я среди мышек.
Мышкою считалась.
Но однажды из подмышек,
мне так показалось,

крылышки растут. И точно.
Что за наваждень?
Нужно выяснить мне срочно
смысл перерожденья.

Мышек спрашивать стеснялась
я о тайне этой.
Да к тому ж мне мир, казалось,
стал с угрюмой метой.

Всё не нравилось у мышек
мне с того момента.
Я мечтала зреть детишек
с крыльями... И енто

было неосуществимо.
Но однажды в хмурый
день увидела, как мимо
пробегают куры.

О, как сердце моё прыгать
стало от волненья!
О, как крылышками двигать
начала я с пеньем!

Много мной с тех пор сменилось
изб, дворов и улиц.
И однажды мне открылось
знание всех куриц.

С той поры уже не смею
мышек презирать я.
Ведь летать я не умею,
все мы, значит, братья.

1995 г.

МОЛНИЯ И ГРОМ

Я стоял среди квартиры,
потеряв ориентиры.
Ночь стояла на дворе,
я был словно мышь в ведре.

За окном шёл дождь уныло.
Мне, однако, нужно было
сделать три шага вперёд,
где стоял большой комод.

Но я не был так уверен,
что мой ум на *то* нацелен,
вдруг там не комод, а стол,
вдруг я б не туда пошёл.

Сомневаться стал во всём я.
Да и в свой попал ли дом я?
И кружилась голова
так, что я стоял едва.

И когда уже сомненья
навалились, как каменья,
вдруг блеснула за окном
молния, как в сне каком.

О, как сразу прояснилось
то, что прежде мраком крылось!
Вот комод, а вон стена,
вон гардины у окна.

Всё разложено по полкам
в голове моей, всё толком.
И подумал я, что так
правда побеждает мрак.

И хотел на этой ноте
ящик я открыть в комоде,
как раздался за окном
содрогнувший стены гром.

Замер я, и холод липкий
организм покрыл мой хлипкий.
И зловещий этот гром
долго помнился потом...

1995 г.

В ЯМЕ

Я сижу печальный в яме.
Я упал в неё давненько.
Расскажите моей маме,
как её страдает Венька.

Он упал и он расшибся,
ему холодно и больно.
Он согласен, что ошибся
и учить его довольно.

Пусть она попросит Бога,
чтоб Он Веню взял из ямы
на поверхность, где дорога,
где живут друзья и дамы.

Они ходят и не слышат
его криков о подмоге.
Они воздух там колышут,
споря яростно о Боге.

Мама, мама, на том свете
ты в раю уж гость недавний.
Я же здесь, а сверху дети,
что в меня бросают камни.

1995 г.

ИЕРАРХИЯ

Таракан сидит в стакане...
Николай Олейников

Таракан сидит над книгой.
Таракан умён как бес.
Таракану крутит фигой
бог десницею с небес.

Ангел втихаря бормочет,
обкурившись анаши:
«Не получишь, старый кочет,
ты бессмертия души».

Таракан не слышит брани.
Таракан в пылу слегка.
Завтра, завтра в рог бараний
он согнёт студента К.!

1995 г.

УХО

Мимо пролетает муха.
За окном болтают люди.
Я одно большое ухо,
я лежу себе на блюде.

Я лежу себе недвижно.
В моей раковине мраки.
Я почти индийский Кришна,
только вот с нутром собаки.

Слышу, как сосед с работы
возвращается нетрезвый,
а навстречу обормоты,
его дети, скачут резво.

Слышу, как гудят машины,
как сосед, живущий сверху,
пишет на холстах картины,
в краски стряхивая перхоть.

Слышу, как собака лает,
как летают самолёты,
как сосед слюну глотает
и рисует бутерброды.

Слышу, как зовут ребёнка,
как дрожит в конфорке пламень,
как упавшая гребёнка
ударяется о камень.

А когда приходят сроки
ночи выступить на сцену,
слышу, как молчат пророки,
покоряясь жизни плену.

Как растёт трава, я слышу,
как *ничто* уничтожает
то, от коего завишу
я и всё, что звук рождает.

Хорошо там, где мы будем.
Хорошо убить все страсти.
Хорошо всем этим людям
не уметь сказать и здрасьте.

Я лежу себе недвижно.
В моей раковине мраки.
Я почти индийский Кришна,
только вот с нутром собаки.

1995 г.

ЗАМОК, КАК У КАФКИ

Снилось мне, что по пустыне
я иду, а впереди
Замок встал, под небом синим,
с надписью: «Сюда иди».

Шёл я долго, приближался
медленно я к Замку, но
я внезапно оказался
в поезде; и вот в окно

уж глядел на Замок. Вскоре
всё быстрее стал расти
Замок, далее уж море
открывалось на пути.

Моё сердце колотилось
в понимании того,
что взаправду воплотилось
ожидание всего,

что нам жизнь открыть готова.
Но внезапно поезд стал
поворачивать, и снова
отдалялся идеал.

О, как я стучал в окошко
кулачками, скрежетал
и царапался, как кошка.
Но напрасно! Он пропал,

Замок. Долго я ладони
всё протягивал туда,
где на синем неба фоне
Замок часто я видал.

А теперь уж я не верю,
что тот Замок — не мираж.
Впрочем, старую потерю
я сменил на сей гараж...

1995 г.

ИЗ КНИГИ ПЯТОЙ. «ОПЫТЫ»

(1995, 1997 гг.)

ОПЫТЫ

Мои опыты такие:
прорубить дорожку
и найти-таки другие
дали понемножку.

Горизонт всегда один, но
есть на горизонте
нечто новое, что длинно
объяснять увольте.

Это значит, что ты видишь
новыми глазами;
хоть на русском, хоть на идиш —
всё это сказали.

Горизонт всегда один, но
есть на горизонте
тоже вечное, картинно
явленное в понте.

Это значит, чуть повыше
ставить свою планку,
даже если ты, парниша,
бьёшь ногою банку.

Отыщи и переплавь ты
в своём сердце это
и не думай в космонавты,
а иди в поэты.

Здесь откроем мы такое,
что скромнее будем
и не скоро из запоя
возвратимся к людям.

1995 г.

* * *

Толк есть, но пишешь пресновато —
сказал я, прочитав свои
стихи последние, когда ты
мне в зеркало сказал: ну и?..

Затем взглянул на стол и розы
уж не увидел, как вчера.
Настало утро; утро прозы.
Какая скверная дыра!

Вчера всё было так прекрасно,
а нынче всё поблекло. Нет,
не перелезешь ты, несчастный,
через возникший парапет.

Увы, вчерашнее сокрыто
от глаз твоих стеной глухой.
Тебе оставлено корыто,
а поле вспахивай сохой.

Держись поближе к печке, парень,
и от неё, сынок, пляши,
и, может, жизнь тебе подарит
грамм пять небесной анаши.

1995 г.

* * *

Жду — сижу на стуле —
твоего звонка.
Отливаю пули —
строчки на века.

Стыдно так убого,
мил поэт, писать.
Будет ли подмога —
неизвестно, б.....

Что ещё добавить?
Всё сказал любя.
Но молчать заставить
выше сил себя.

Вдруг случится праздник:
неизвестно как
напишу, проказник,
некий новый знак.

Формулу открою
новую цветка
и структуру вскрою
жизни мотылька.

Слов случайных корень
извлекай, спеши,
в творческом отборе
из ядра души.

Всё, что ты, как *здрасте*
ляпнешь наобум,
чрез горнило страсти
протащил твой ум.

И остались только
жалкие слова.
Вот такая, Колька,
горклая халва.

5 сентября 1995 г.

ПОЭТУ

Не молчи, старичок,
не молчи, сладкогласый.
Если даже сил йок,
всё равно точи лясы.

А иначе нельзя.
А иначе, быть может,
не возьмёшь ты ферзя,
и тоска тебя сгложет.

Что и делать ещё
нам, поэтам, ублюдкам,
если ты поглощён
своей музой по суткам?

Да добро бы была
эта муза как муза,
а то так... барахла
натолкает от пуза.

Сам не рад, что её
пригласил на свиданку,
пробубнишь только: «Ё!
Подложила подлянку.

Снова мусор за ней
на листках остаётся,
не увижу, халдей,
куст горящий, сдаётся».

Но и всё ж не грусти,
а стучи в свои двери,
отопрут — ты в чести,
нет — не много потери.

6 сентября 1995 г.

* * *

Есть вещи поважней поэзии,
ну, скажем, знание о том, что
хоть в Англии, хоть в Индонезии —
все в гроб ложатся, это точно.

И это знание-незнание
мне позволяет относиться
к поэзии, как, скажем, к зданию,
где я живу, где мне свариться.

Отсюда голос мой естественный,
отсюда лёгкие ошибки
за взгляд излишне несущественный;
и все мои полуулыбки.

1995 г.

* * *

Каждый день одно и тоже:
словно механизм
во главу угла положен,
а не жизнь.

Наливаю утром чайник,
умываюсь, ем.
Бессловесный, как молчальник,
думаю — зачем?

Наперёд уже я знаю
распорядок дня.
Как животное зеваю,
рот не заслоня.

И кружу я по квартире,
думая о том,
что неплохо бы в сортире
заменить плафон.

Вот такой, себе ненужный,
мелкий и смешной,
я живу, как тот биндюжник
иль как заводной.

Приходите, посмеётесь
надо мною все.
И хотя бы вы очнётесь,
пусть не насовсем.

Но войдите тихо, боком,
чтобы я не знал
и от злости ненароком
вас не покусал.

1995 г.

* * *

Поэзия, едва
я на ногах, как сразу
цепляюсь за слова
и забываю хазу.

Я забываю всех,
друзей, врагов и прочих.
Я не хочу потех,
хочу минут рабочих.

Отважно и легко,
осмысленно и дерзко
несу своё древко
и на душе не мерзко.

Пусть гонят на меня
волну негодованья,
кимвалами звеня
из-за непониманья.

Мне всё равно. Но вот
окончена работа,
и я уже не тот,
и рот дерёт зевота.

И всё постыло вмиг,
и жизнь скулой бандита
страшит и тяготит,
и карта моя бита.

1995 г.

* * *

Года бегут с такою скоростью,
что ничего не понимаю.
Ещё вчера глядел со строгостью
на мир, а нынче улыбаюсь.

И вот уж признаки старения
заметны стали организма.
Пришло другое поколение,
а я ещё нигде не издан.

И всё быстрей и неприметнее
проходят дни, недели, годы;
и разговоры всё предметнее,
и возвращаются все моды.

Всё было прежде, да и будет всё
после меня со всеми это же;
и мне, к несчастью, не запутаться
среди схоластики и ретуши.

Всё знаю я, да много надо ли,
чтобы додуматься до истины,
что все, как водится, попадаем
в могилы с глиною и листьями.

Так что спешить пока что нечего,
а всё ж пора поторопиться,
чтобы судьбой была отмечена
привычка каждый день трудиться.

1995 г.

* * *

Мой кумир сидит на ветке
и чирикает: чир-чир.
Если бы сидел он в клетке,
я б ему был командир.

Я б давал зерна и хлеба,
в общем, чувствовал себя,
точно Бог, сошедший с неба,
накормить сего блядя.

1997 г.

ИЗ КНИГИ ШЕСТОЙ. «ВЕНОК СОНЕТОВ»

(1994–1997 гг.)

ИЗ ЦИКЛА «ОПИСЬ ВЕЩЕЙ ПОЭТА»

ПЕЧАТНАЯ МАШИНКА

Обычная печатная машинка.
Местами в пыли, местами нет.
Когда печатаю, случается заминка:
буквы западают. Много лет,
видимо, ей. У меня недавно
она, где-то с полгода. Её
мне отдала знакомая. Плавно
взгляд мой скользит по буквам: Ё
(клавиша пылью покрыта, так как
я ей не пользуюсь, только Е),
О, ТВЁРДЫЙ ЗНАК (в пыли, однако,
также как Ё), К... На столе
машинка стоит. Под ней подстилка
из плотной ткани. Могу прочесть
надпись на корпусе. Вот: МАШИНКА
ПП-305-01. (Тут есть
даже знак качества, тот, советский).
Далее: ТУ-25-01
128-02. НЕМЕЦКИЙ
ЗАВОД 'РОБОТРОН-21-
011' ПО ЛИЦЕНЗИИ
СССР... Такой вот текст.
Машинка хорошая, я не в претензии,
денег не просит и хлеба не ест.

1994/1995 г.г.

ЛАО-ЦЗЫ

Лао-Цзы на буйволе подъехал
к западной границе Поднебесной.
Наконец-то он один! Лишь эхом
плач одной служанки неизвестной.

Книги, свитки, тушечница, перья,
чжоуских царей библиотеки,
как гласят даосские поверья,
были им оставлены навеки.

Что есть в Поднебесной, что могло бы
удержать мудрейшего от шага
в никуда? Ах, ничего. И злобы
нет на мир, а только лишь отвага.

Детская отвага. Мудрый старец
пыль с лица стирает краем шёлка
и глядит с улыбкой, как китаец
от него добиться хочет толка.

Стражник пристаёт: «Почтенный старец,
не оставишь ли хотя бы книжку
мудрых изречений, чтобы палец
тыкать мог в неё, уча сынишку?»

«В мир рождён Кун-Цзы для вашей нужды, —
Лао-Цзы сказал с улыбкой грустной, —
он Пути и Силе будет чуждый,
он вам даст законы. Впрочем, устно.

Впрочем, вот», — и Лао-Цзы дал свиток
стражнику, уж сидя за отметкой
пограничной, слабый от попыток
мух назойливых рассеять веткой.

Сгорбив плечи и втянувши шею
он покинул родину навеки.
День кончался. «Быстро как темнеет», —
молвил стражник, потирая веки...

1995 г.

АНГЕЛ

В дверях подъезда Ангел нежный
столкнулся с Демоном, что шёл
нетвёрдым шагом, хмур и зол,
в свой дом, с Эдемом, кстати, смежный.

Столкнулись, наконец, их взгляды...
Теперь позволь, читатель, мне
их развести и Сатане
дать произнесть кусок тирады.

«Прости, он рёк, — я пьян немного,
тебя я, кажется, смутил...
А, впрочем, всё равно... Я Бога
об этой встрече не просил!»

1995 г.

КРЫМ

Борису Румшицкому

Там воздух по-другому выкроен
и сотворяются там люди
немного угловатей, с икрами
коричневыми уж в июне.

Там лёд шкварчит зимой разжиженный
под шинами автомобиля,
и наземь тёплый снег одышливый
ложится плавно, без усилья.

Там все влюбляются пронзительней,
но страсти там не возвышают,
а только любят уморительно
и словно дети не прощают.

И всё-таки там понимание
найдёте фамильярно-нежное
в каком-нибудь белесом Каине,
считающим всех прочих пешками.

Московский говор там до колика
смешит младых аборигенов,
и пишется легко буколика,
и тучки как морская пена.

Я вырос там под небом праздничным
и, что ни день, то вспоминаю
то взгляд какой-нибудь загадочный,
то друга из Бахчисарая...

1995 г.

ИЗ ЦИКЛА «ОЛЕГ ВАСИЛИЧ ФИЛИПЕНКО»

* * *

Олег Василич Филипенко —
любитель женщин и цветов, —
идет по улице — ты глянь-ка, —
без галстука и без штанов.

Он улыбается всем дамам,
флиртует, словно джентельмен,
и не боится, значит, срама,
совсем как заграничный мэн.

На нем моднячая рубашка
свисает чуть не до колен,
помята снизу вся, бедняжка, —
штанов неизгладимый плен.

Олег Василич Филипенко
не имет срама. Почему ж?
Милиция, братва и «стенка»
ужели не холодный душ?

Нет, он не видит и не слышит
угроз от жизни. Ну ваще!
Он улыбается и дышит
как сэр при шпаге и плаще.

Проходят господа и дамы
и пальцем крутят у виска,
а он от мелодичной гаммы
не отвлекается пока.

Он напевает и воркует,
и восклицает: «Все пройдет!
И та, что не меня целует,
мои стихи хотя б прочтет.

Паситесь, мирные народы.
Я ваш поэт. Мне хорошо.
И потому как вы уроды —
я счастья в жизни не нашел.

И все-таки я посылаю
вам свой привет, свое ура.
Я дефилирую, гуляю,
весна — чудесная пора!»

31 июля 1996 г.

* * *

Олег Василич Филипенко —
великий русский был поэт.
Он становился на стремянку
и сочинял свой дивный бред.

Его кормили с ложки дети,
а он рычал на них как лев,
и как-то за поступки эти
он претерпел Господний гнев.

Отобрана была стремянка.
Он плакал, бился над собой,
работал над японской танка
и спать ложился чуть живой.

А Боженька глядел сквозь тучи,
стремянку пряча под себя,
и говорил: «Уже ты круче
напишешь вряд ли. Бя-бя-бя!»

Олег Василич покорился
такой убийственной судьбе,
и, знаете, он не напился,
а вышел рыцарем в борьбе.

На все глядеть стал с снисхожденьем,
благословлять всех и прощать,
и занялся церковным пеньем,
чтоб взор к Стремянке обращать.

31 июля 1996 г.

* * *

Олег Василич Филипенко
великий русский был поэт.
Им создавалася нетленка,
и он носил в груди секрет.

Бывало, с кем-то в разговоре
замолкнет вдруг и погрузит
вовнутрь взгляд, а после в горе
вздохнет так тяжко, паразит.

Иль кажется ну вот, ну вота,
он стал как все, такой же хер
как ты да я, ан, глядь, зевоту
скрывает подлый лицемер.

Ему базар неинтересен
с тобою, друг, дичится нас.
Он не поет российских песен,
а лишь смеется, пидарас.

Он новый гимн писать не хочет
для переменчивой страны,
и потому шестерка строчит
нам эти тексты без вины.

Да полно, есть ли в самом деле
в его душе секрет? Боюсь,
что он валяться на постели
способен только, подлый гусь.

Давайте развенчаем, люди,
пока не поздно подлеца,
тряхнем разок его за груди
и в школу вызовем отца.

Пускай посмотрит на созданье
свое, а то немудрено,
что люди терпят наказанье
за то, что все кругом говно.

Олег Василич Филипенко
ничтожный, мелкий человек.
Нам это ясно. Евтушенко —
вот кто велик, могуч навек!

1 августа 1996 г.

* * *

Олег Василич Филипенко
носил в душе избыток чувств
когда был помоложе. Стрелку
он забивал в саду искусств.

Там он встречался с музой, с горним
сознанием, и навсегда
запомнил тот чудесный вторник
шедевр он написал когда.

И долго, долго он носился
с своим шедевром по местам,
где критик рыкает, дивился
их непотребным головам.

Ушей ослиных, просто задниц
вместо голов он столько зрел,
что очутился среди пьяниц,
чтоб не смотреть на беспредел.

Олег Василич Филипенко
еще велик и потому,
что вновь подняться смог, хоть Генка,
браток, и залетел в тюрьму.

Сухим из вод он снова вышел,
за это я его люблю,
хоть стал он поспокойней, тише,
и не кричит уж: «Застрелю!»

Теперь на все глядит он просто,
быт наш простой зауважал,
и *стал* для творческого роста
он наблюдать природу *стал*.

Такой вот милый и хороший,
простой и умный человек
живет средь нас и любит кошек,
артистов, пьяниц и калек.

4 августа 1996 г

* * *

Олег Василич Филипенко
был скромен до нельзя в быту.
Он занимал одну времянку,
а мясо отдавал коту.

Он спал на сломанном диване,
не замечая неудобств,
и в облупившейся ва... ванне
растягивался во весь рост.

Олег Василич был послушен
судьбе и зря не унывал.
К гостям и барышням радушен,
он лишь с клопами воевал.

А если видел новых русских
в их неприглядной красоте,
он семечки пред ними лускал, —
короче, был на высоте.

Олег Василич в «Мерседесе»
сидел так просто, так легко,
как будто вырос он в Одессе
и с детства с роскошью знаком.

На самом деле пофигистом
он просто был и потому
и с президентом, и с артистом
легко беседовать ему.

Хоть он рефлексии нечуждый,
но ум его, как инструмент,
не обнаруживал без нужды
свое присутствие в момент.

Из чашки пил вино и кофе
наш неудачник и поэт.
Он в ресторане в Дюссельдорфе
предпочитал всему омлет.

Короче, был во всем великим
Олег Василич, хоть друзья
его клянут, зовя двуликим,
но нам судить его нельзя!

7 августа 1996 г.

ИЗ КНИГИ СЕДЬМОЙ. «РОВНАЯ ДОРОГА ЖИЗНИ»

(1997–2000 гг.)

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Вот момент настаёт, он давно уж настал,
когда я вспоминаю о прошлом,
и находятся сами собою слова,
и сказать слово искренно можно.

Я давно, я давно о тебе написать
собирался, но, помнится, прежде
слов я нужных найти всё не мог и молчать
оставалось мне только, невежде.

Помню, ты умерла, я вернулся служить
на свою пограничную «точку»,
там, в горах, в твою память стихи я сложить
всё пытался, придумал лишь строчку.

Помню день, белый день, снег вокруг и мороз,
я на вышке стою с автоматом,
вспоминаю тебя и бубню всё под нос
одну строчку, что так кривовата.

«Как же так, — говорю я себе, — ты стихи
сочиняешь о службе, о быте,
а о матери сил написать ни строки
нет в тебе. Как же так? Объясните».

Я теперь понимаю ту косность пера,
просто всё впереди еще было,
а теперь, по ту сторону зла и добра,
о тебе вспомнил я с новой силой.

И легко, так легко сочинять мне слова
в твою память, что, может быть, это
вовсе и не стихи, раз растут как трава
эти строчки, без воли поэта.

Ты ведь так не хотела, чтоб был я поэт,
я и сам чуть стыдился пристрастья,
а теперь тебя нет, и давно уже нет,
я же всё сочиняю. Несчастье.

Я вчера вот достал фотографий твоих
стопку в книжном шкафу и увидел
как была молода ты, красивей других,
словно муза, что чаял Овидий.

Ты простишь меня? Знаю, простишь, но корит
меня совесть за многое... Да уж.
Вот, едва не сболтнул, что сказать не велит
стыд, — мне легче, что ты умерла уж.

Ты меня поняла, так прости же опять
за такое худое признанье,
там, где встретимся мы, я сумею сказать
как я рад и как рад был заране...

23 февраля 1997 г.

* * *

Как всё-таки уносит жизнь
от идеала, словно лодку
уносит в море, — оглядись —
земли ты не увидишь сотку

вокруг себя, — ни маяка,
ни прочего ориентира,
вокруг пустынно, ты да лира,
и мудрость чья-то высока.

Не доверяешь никому
и полагаешься на опыт
житейский свой, который му-
чительно сознанье копит.

И выдаёшь такую речь:
пурга всё это: книги, лица
отечества, которых сечь
давно пора по ягодицам.

Я источился, и моё
сознание, нет, не выносит,
когда встречаю я враньё,
и мщения душонка просит.

Но озираешься вокруг
и опираешься сердечно
на тех, кто ближе, кто твой друг,
и думаешь: всё быстротечно...

30 июня 1997 г.

ИЗ ЦИКЛА «ДЕТСТВО. В ДЕРЕВНЕ»

1

Звёздная, чёрная, тёплая ночь.
Слышатся возгласы с моря.
Мама ушла на концерт в Дом культуры,
как бы чего не случилось.

Где-то в крапиве стрекочут сверчки,
блеет овца за оградой,
ВИА какой-то сегодня поёт
в клубе. И все из Москвы аж.

Странно, из са́мой Москвы, а сюда
путь их привёл, значит знают,
что есть совхоз такой в нашей стране,
маленький, а им известный.

Да, чудеса... Но когда ж наконец
мама вернётся с концерта.
Бабушка спит уж, и дед вон храпит,
мне б их спокойствие духа.

Тёплая ночь, очень тёплая ночь,
если в трусах по деревне
я пробегуся трусцой, — ничего,
тёмная ночь, не заметят.

Маме навстречу я выйду, авось
встречу ее по дороге.
Ног не порезать бы в сей темноте,
бьют ведь бутылки мерзавцы.

Что же, вон люди с концерта идут,
всё, побегу я обратно,
мама сейчас возвратится, ура,
прям облегченье такое.

Небо какое! Всё в звёздах. Вот мир
странно устроен, однако.
Что наши горести, беды, когда
всё так ничтожно в сравненье

с космосом? Да. Вот упала звезда.
Жаль, не успел загадать я
это желание, чтобы скорей
мама с концерта вернулась...

1997 г.

2

Памяти моей бабки

Летним утром я встану и выйду опять променад
совершить перед завтраком, на заржавелой железке
подтянусь десять раз, окунусь в море, рад,
что так правильно жизнь я веду, и смущённо, по-детски,
засмотрюсь на красавицу справа, что роет в песке
ямку с младшей сестрёнкой и буду затем растираться
полотенцем махровым иль вафельным, на волоске
видеть каплю воды, что блестит, а затем возвращаться
стану в дом по дороге, покрытой асфальтом, в жару
мягким, очень горячим для ступней ребенка,
и насвистывать что-нибудь, видя, как брат по двору
уже шастает, ищет меня, и тогда ему звонко
закричу: «Эй, Сергей!» и почти что бегом
устремлюсь я к нему, угадав, что мой брат на мопеде
в это утро, а значит куда-то сейчас мы вдвоём
прокатиться поедем и в лёгкой, весёлой беседе
проведём мы полдня, почти вечность, а после обед,
и любимая бабушка будет борщом и глазуньей
с вермишелью кормить и кричать мне сердито вослед:
«Полежал бы в тенёчке с часок», но меня уже сдуло
со двора, словно ветром, — я к брату помчался гулять,
где забравшись в чужой огород за арбузами, страхом
и геройством своим наслаждаемся с братом опять
как вчера, но уж с меньшим нахальством, размахом,

и залезши в курятник, арбуз об коленку разбив,
с учащённым до нервной икоты биением сердца,
будем есть эту мякоть, лицо и живот извозив
в этой мякоти, пчёл отгоняя, локтем и коленцем
упираясь в куриный помёт и солому, а после бежать
под колонкою мыться, а вечером снова на море
мы отправимся с братом, где будем друг в друга кидать
мокрой тиной, песком, и, не ведая, в общем-то, горя,
поздно вечером я, заглядевшись на звёздную пыль,
загрущу вдруг о жизни, такой быстротечной и бренной,
но усну наконец, и степной безмятежный ковыль
будет тихо шуршать у кровати моей довоенной...

20 июля 1997 г.

УЗНИК

Лежу покойно на диване.
Смотрю в открытое окно,
где в выси, яркой и бескрайней,
чернея, движется пятно.

Не знаю, есть ли над Москвою
орлы летающие, — пусть
то был орёл, хоть я, не скрою,
в том уверять вас побоюсь.

Он так легко парил и плавно,
он так поднялся высоко,
что я подумал: как бы славно
к нему пристроиться рядком.

Из этой маленькой квартиры,
из этих душных, мрачных сфер,
где звуки электронной лиры
мятежный бы не снёс Бодлер.

А мы, привыкшие к уродству
в доступных формах, свой комфорт
не променяем на сиротство
и страшный Дюрера офорт.

Зачем?.. Живём себе в зашоре:
работа, траханье, еда...
Мы не орлы — какое горе!
Мы не летаем — вот беда!..

16 июня 1998 г.

МАРГАРИТА

Она красива и бледна,
ее движенья так пластичны,
пред низким строго холодна,
брезглива перед неприличным.

И всё ж душа ее живёт
в согласье с чувством и любовью:
она роль женщины берёт,
чтоб насладиться этой ролью.

И он, в упор глядящий на
неё, ласкает её взглядом:
ладони, губы, грудь, спина
питают сердце сладким ядом.

Её он хочет... Он влюблён.
«Когда увидимся и где мы?»
Прошедшим он опустошён,
но есть заглавье новой темы.

За униженья, за облом,
за дни отчаянья и страха,
он этой женщиной влеком
как верой — помыслы монаха.

Есть в ней порода, есть завет
духовного перед телесным,
и всё-таки манящий свет
не назовёшь одним небесным.

О да, душа её живёт
в согласье с чувством и любовью:
она роль женщины берёт,
чтоб насладиться этой ролью...

31 октября 1998 г.

* * *

Ровная дорога жизни.
Глазу зацепиться не за что.
Прошлое исчезло в линзе
с обратной перспективой. Мелочным

кажется всё то, что сделал.
Думаю, что деградирую.
Не то, чтобы старею телом,
но юность свою пародирую.

Знал бы я тогда-то, дерзкий,
что душа пойдет порожняя
по миру на каком-то отрезке,
был в речах бы осторожнее.

Понял я китайцев древних —
вежливость — верх добродетели.
Уходи от мыслей скверных,
ведь на небе твои свидетели.

9 апреля 1999 г.

НА 200-ЛЕТИЕ А. С. ПУШКИНА

Поэт, пророк, певец любви,
ты, как природа, неподкупен,
ты, словно воздух, всем доступен
и также растворён в крови.

Тобой дыша не замечаем
величья твоего. Так что ж?
Отца ль великим назовёшь,
коль с детства им ты опекаем?

Ты альфа и омега: сны
и яви ядерного века,
все отклоненья человека
становятся с тобой ясны.

Пусть россиянин, каждый житель,
отпразднует твой юбилей.
И я с подружкою своей
по-своему воздам, Учитель!..

5 июня 1999 г.

ОСЕНЬ В ЯЛТЕ

Море чернильного цвета
как на ладони с горы.
Туч мрачноваты шатры…
Бабье закончилось лето.

Ржавый, багряный, зелёный
лес на покатой горе.
В Ялте сидеть в октябре
может поэт иль влюблённый.

Еду в «Икарусе» новом,
капли дождя на стекле.
Туча висит на скале…
Как всё постыло знакомо!

Думаю, если бы встретил
в Ялте унылой тебя,
то, твоё тело любя,
осень иначе б заметил.

Тоньше поэзию б выдал
раскрепощённый мой взгляд,
но я зациклен и рад,
что на тебе лишь, мой идол.

1 ноября 1999 г.

ИЗ КНИГИ ВОСЬМОЙ. «СЕГОДНЯ, ЗАВТРА, ВЧЕРА...»

(2001, 2004, 2005 гг.)

БЕЗУМИЕ

1

Летали лошади. Садились на цветы
изношенные туфли. Я был в горе.
Зачем оделся я? Зачем упала ты
на остриё моё? Опять лав стори.

Маяк мигал, и сухо плыл закат,
одежда раздевалась. Мое тело
телесным было. Ты же захотела
обуть меня в прекрасную из ват!

Вот западня. Я снова утонул
в том обруче. Открой же свою тайну:
где гильотина из кромешных скул
кончается? О, не мигай случайно!

2

Безумие не в том, чтобы не знать.
Безумие разгуливает в чашках.
Откройте то, что дало мне понять
о цвете парника и замарашках.

О, красота! Налейся изнутри.
Убейте смысл — и красоту убьёте.
На небе точки, хочется: утри!
откройте рот, скажите, как живёте.

Оружие в тебе. Оно вокруг.
Цель ускользает, красота подавно.
Вокруг окно. Смотри как мёртвый друг
пьет Windows из угла и смотрит явно!..

3

О, лупальцы! Кегерда ля камур
начнется вновь? Открой же накрывало!
Летает снег. На улице июль
пьет пиво на загривке у вокзала.

Откройте что. Хочу понять тебя:
костель вербес иль всё-таки откуда?
Я пьян всегда не понаслышке бя,
открой вчера как будто и посуда.

Ну что ж, поэт, когда-то усеклись
от прошлого. Поэтому понятно.
Прозрачен стих мой, хочешь, поделись.
Во всем кышмыш. Как ангел ты в парадном.

4

Лябяка нози. Ты опять ушла.
У опы дырчах. Всё-таки не надо.
Папайя ренегата догнала
на выходе из арки зоосада.

Сквозь анфиладу шелестит Гомер,
он амфору закуривает грустно
и говорит: «Папайя или хер,
не всё ль равно?» И умирает устно.

Кель вельми да когда-нибудь ещё
увидимся с тобой, моя мегера.
Облупленное небо сыплет с щёк
лак времени, и в бок плывет галера.

5

Когда-то я любил взамен алкать,
байбаком улетучиваться пышно
над городом, тесьмою еле слышно
возить по гайдамакам и гадать.

Но всё прошло. Украшена галета
то иноходью, то — когда ещё?
Стихи писать инструментальщик где-то
подсмотрит раз под куполом-плащом.

Чего? Сказал. Маэстро, повтори.
Когда-нибудь откроешь итальянский
как алиби, и ветер маломальский
тебе откроет рот: живьём утри!

6

Неправда ли, всё так, как не хочу.
Жизнь клеится, и водоросли виснут
вокруг огня, и наконец-то стиснут
мечты вокруг обмотанных в парчу.

Ничто не вечно. Хочется домой.
Открой окно и выгляни наружу:
асфальт травой покрыт, и ты разбужен,
как заскучавший насмерть домовой.

Налей меня. И выпей, наконец.
Обуйся в жизнь и не гляди сурово.
Жизнь прожита и не вместилось в Слово
лишь потому, что щебень — не Творец.

2001 г.

* * *

Сидела бабочка на розовой игле,
Глядела на меня раскосыми глазами,
Летали облака в вечнозелёной мгле,
И пели суслики кривыми голосами.

Откройте мне в открытое окно,
Я вечности должник и друг всему живому,
Вот только серости живое полотно
Колышется лишь так, всегда не по иному.

О, дружба вечная с синицею в руке!
Смазливая и юная дурнушка
Всегда омоет смысл и лыко в молоке
И скажет: посмотри, вот новый Пушкин!

Не верю я, атлет, не верю никому,
А верю лишь звезде пугливого паяца,
Который удручён, которого пойму,
Поскольку и меня хватала жизнь за яйца.

25 мая 2005 г.

* * *

Вернуться бы под утро в не себя,
Укутаться б в оранжевое поле
И, никого не помня, не любя,
Стать навсегда виньеткой и паролем.

Позолоти мне слово, альбатрос,
Ты дома не имеешь и ты волен
Глядеть на всё, как вечно смотрит нос,
А я хочу — и потому я болен.

26 мая 2005 г.

* * *

Пусть одиночеством дохнёт вечнозелёным
И воздуха не хватит для дыханья,
Быть одному и голосом дублёным
Петь только нежный бред воспоминанья.

Колышется вчерашняя вершина,
На свете нет культурного пространства,
Есть только сети образов и глина
В *изменчивом*, как признак постоянства.

Но что за дело мне, шахтёру света,
Летайте самолётом в лапидарность,
Я видел *свет*, линейкою за это
Я получил от мира в благодарность.

3 июня 2005 г.

* * *

Слова затёртые и чувства
Я достаю из пиджака,
Верните взбитое искусство
Тому, кто хуже простака.

Хочу серебряного неба,
Искусства же хрустальный зад
Я презираю больше хлеба
И всем моргаю наугад.

10 июня 2005 г.

ПОЭТ

По небу плыли сети, им навстречу
Другие сети плыли словно мошки,
На берегу поэт сиял, и вечер
Показывал все русские матрешки.

Оранжевый достал поэт фломастер
И вытряхнул из сердца хлам прекрасный,
И вот с тех пор он потеплевший мастер,
Хотя в душе он носит гвоздь опасный.

Попавший в сети выглядит нелепо,
Он смотрит волкодавом на пространство,
Он видит сгустки движущихся слепо
И откровенье прячет как убранство.

10 июня 2005 г.

* * *

Максиму Лаврентьеву

Я есть надежда синего отлива,
Ты розовый и потому ты лучше.
Феб лучезарный, сделав мне красиво,
Вслух говорит, что жизнь — счастливый случай.

Поверю негодяю и поэту,
Смысл разорву на блёстки и кусочки,
Оденусь в бирюзовое полено
И ласково пройду к финальной точке...

Июнь 2005 г.

КОГДА Я БЫЛ МАРТЫШКОЙ

Забита голова дровами неги
И мыслей непрозрачных чую тяжесть,
И каждый день мечтаю о побеге
Туда, где я мартышка; помню, я же
Всегда мечтал о падающем снеге
И кисточкой вращался на плюмаже.

Когда я был мартышкой, всё на свете
Казалось мне избыточным и странным,
Я попадал пороку прямо в сети
И слог мой был изящно деревянным,
Но я родился, Освальд, не за этим —
Зачем — забыл — под полотном пространным.

21 июня 2005 г.

* * *

Я жимолость серебряная в рамке,
Когда гляжу в глаза газели-самке.

И сердце, как агатовая брошь,
Всё накаляется, как нервы самозванки.

Отдайся мне, сияющая ложь,
Дай мне проникнуть в темноту баранки.

Мне твой кружок под кустиком дороже,
Чем истины сверкающее ложе.

1 июля 2005 г.

ПОЭТЫ, ТРЕБУЙТЕ ПРИЗНАНЬЯ!

Не вздумайте не требовать признанья
От мира из воды и колымаги,
Нам все должны — за жгучие старанья
Чертить огнём и кровью на бумаге.

Да, мы, поэты, истину видали
Такую, что и скромности не надо,
Когда крутились Божии педали
У нас в душе и — перед нашим взглядом!

6 июля 2005 г.

* * *

День кончился, не кончилось лишь зренье,
Оно скользит под разными углами,
И мира раскладное оперенье
Я зрю под монолитными телами.

Хочу увидеть круглого незнайку
В ногах у несгорающего Феба,
Божественную слыша балалайку
Зарисовать все паутинки неба.

А если не получится — в квадрате
Остаться жить, округлость презирая,
И быть как все, не помня об утрате,
И умирать, еще не умирая.

2005 г.

СЕГОДНЯ, ЗАВТРА, ВЧЕРА

Ревнивый отпрыск рыбьего отродья,
Хожу я, вспоминая те томленья,
Когда сама Богиня плодородья
Глядела вверх, где плыл стихотворенья
Волнистый дым, а я дышал, воруя
Слова для наготы и поцелуя.

То было завтра, а вчера наступит,
Когда сегодня притечёт в сегодня,
Тогда кирпичик вдохновенья купит
Журнальный клоп — со славой мертвых сводня, —
Но я-то буду плыть волнистым дымом
Сквозь вас и кирпичи в обложках, мимо...

11 июля 2005 г.

О НЕКОМ ПОФНУТИИ

Пофнутий любит мир теней и колыханий,
Он видит искренность как ряд смешных стараний,
Он бродит там, где шепчут истину ему шалфеи,
И матери рождают пчёл для грузноватой феи.

2005 г.

О НЕКОМ ПОФНУТИИ-2

Пофнутий родом был из Ново-Орлеана,
Он звуки понимал как шумность океана.

Он вслушивался зрением в наплывы,
И кровоточил смех его как рана.

Души его прекрасные порывы
Читали два изысканных барана.

Конечно, он счастливчик был, Пофнутий, —
Так мне сказал краснодеревщик муфтий.

2005 г.

* * *

Я утром был мохнатый и красивый,
А завтра — выпил яду громогласно,
И вот я умираю, что есть силы,
От истины, которая прекрасна.

И хладным по́том надышавшись вволю,
Сложился я под расписные стены,
Примериваясь сердцем к алкоголю,
Вернулся к вам из площадной гиенны.

Смысл жизни вне труда лежит и тает,
Давайте же плясать до Воскресенья,
Пускай душа квадратное катает,
Испытывая грязное томленье.

Нет дела мне, весёлому бродяге,
До истины из грязи и движенья,
Я снова опускаюсь в колымаге
Туда, где нет ни сна, ни воскресенья!

2005 г.

* * *

Верните мне обеты и задворки,
Я есть поэт — изящный оборванец,
Я ем из глины дождевые корки,
И прошлого ношу дырявый ранец.

Не слушайте всамделишных пророков,
Вы не вместите огневых горошин,
Откройте окна для прямых пороков
И каждый будет кривизною брошен.

Нам не нужна верховная поэза!
Я кровь смываю с лезвия природы
И говорю: Он всё-таки зарезан
И выброшен из проливной колоды!

2005 г.

* * *

Я протрезвел и выбрался наружу
Из целого соцветия ошибок,
И понял, наконец, что я не нужен
В аквариуме золотистых рыбок.

Что ж, буду плавать там, где хмурый Вася
Высматривает скромную добычу,
И, плавниками воду пидорася,
С печалью неземной глядит набычась.

Я буду ему братом, он сестрою,
И кончим с этим миром разделённых
На умных и неумных, на героев
И на бродяг, в прекрасное влюбленных...

20 июля 2005 г.

БАБОЧКА БЕЗ НАЗВАНЬЯ

Я бабочка нелепая в квадрате,
Покрыта прошлогодними снегами,
Меня изящно девушки лягали,
Когда я рушником летала в хате.

Теперь о красоте пекутся боги,
А я пекусь о палочке бамбука,
Вокруг меня огни и много стука
И у окна распоротые ноги.

Я не хочу слепого целованья,
Я новый хлеб солю презреньем старым,
Душа моя влюбила все удары
И потому не надо мне названья!

2005 г.

* * *

Я рыжий, но для истины не рыжий,
Избит, и не избит толпой заочно,
Я вижу то, что человеком движет,
Но только чуть расплывчато, неточно.

И в этот смутный сгусток направляю
Насмешливость свою, а прежде — ужас;
Вы верите в судьбу: я поздравляю,
Вы лишь пельмень, а мне смешно к тому же.

27 июля 2005 г.

* * *

Да, я любимец бога стеклотары
И потому я жидкость без названья.
Судьбы ведь нет, а кто же мне удары
Тогда наносит — голова баранья?

Наверно сам себя я изувечил
И выстрелил в висок себе — ошибкой.
А, может быть, любовью я отмечен
Тем, кто на весь абсурд глядит с улыбкой?

Смешно так думать, будто кто-то смотрит,
Да думать так нечестно и бесстыдно.
Я цепь случайностей и в этом подвиг,
Хоть подвиг слово глупое как видно...

28 июля 2005 г.

МАХАОНЫ

Вокруг брегета пляшут махаоны
В зелёных колпаках и бьют поклоны.

Они глядят на солнечные стрелки
И метят все в цыганские бароны.

У них сердца — резиновые грелки
И их слова — простые закидоны.

Я сам был махаоном в прошлой жизни,
Но не стерпел презрения к отчизне.

2005 г.

* * *

Как голова болит из-за китайской розы,
В кустах шиповника укрылся я от стужи,
В Москве ведь в августе ужасные морозы,
Я вновь самим собою вызван и разбужен.

Избыток счастья не грозит седому уху,
Я в прошлой жизни был викарий красноносый,
Я не обидел даже Лайли или муху
И отвечал на все их круглые вопросы.

2005 г.

* * *

Там, где гуляют синеблузые восторги
И непрозрачная прозрачность непрозрачна,
Там страсти грубые ведут земные торги,
Там я живу без главной цели и безбрачно.

А ведь когда-то видел я живое небо,
Где непрозрачная прозрачность вдруг прозрачной
Явилась мне, и потому, где я бы ни был,
Везде живу без главной цели и безбрачно...

2005 г.

* * *

Расколота фарфоровая кружка
И бог во мне кристаллом лег в осадок,
Зарывшись в землю, костяная мушка,
Смеется синим, будто так и надо.

Я сам себе налью квадратный корень
И выпью уравнение бесстрашно,
И после мою мраморную голень
Пускай поставят там, где боль и брашна.

2005 г.

* * *

Вокруг меня сухие ломоносы,
Сердца людей — слепые эолиты,
К чему глядеть на вечные вопросы,
Когда они репейником увиты?

То, что прекрасно, то — летает выше,
Все грубости — на землю упадают.
Вокруг снуют серебряные мыши,
И красным смехом, торжествуя, лают.

Я видел чертежи и колыханье,
Зачем мне это знание-обуза?
Верните мне сияние незнанья,
И обморочный свет забудет муза.

2005 г.

* * *

Когда мне плохо, значит, хорошо мне,
Разбит стеклянный компас в сердце глупом,
Пускай падений всех мне не запомнить,
Всё разберет под солнечною лупой
Тот, кто вотще сидит в каменоломне
И щерится изысканно и тупо.

Люблю я краснобокую угрюмость,
Когда я занят смесью слов и лака.
Не повторяйся же, слепая юность,
Лежи на дне, мой брат, и бойся плакать
Над ноющим колодцем, бойся плюнуть
Туда, где воет Божия собака.

2005 г.

* * *

Я упаду когда-то вверх ногами,
Разбив стеклянный голос об эстраду,
И глянцевое небо с облаками
Устроит конфетти и канонаду.

Я не хочу фальшивого лобзанья,
Противны мне все сахарные квочки,
Пусть не заплачут Лондон и Лазанья,
Завернутые в русские платочки.

Лишь горькие лобзанья вспоминая
Той, что царица сгорбленного рая,
Уйду туда, где встретится другая,
И я предам, от жалости рыдая.

2005 г.

* * *

В томленья грязные люблю сажать морковь
И ждать, что вырастет: а может быть любовь?

2005 г.

ЗЕВОК

Пока ты говорил, тебе я верил,
Но ты зевнул, и я увидел зверя.

Не нужно философии, дружок,
Вот ты зевнул и приоткрыл мне двери

В животный мир — ты был правдив как бог;
Но ты испортил всё, когда при деле

Вновь оказался ум твой; но теперь
Ему не верил я — *ведь ты был зверь*.

2005 г.

ИЗ КНИГИ ДЕВЯТОЙ. «НА ЯЗЫКЕ ВЕТВЕЙ»

(2000–2006 гг.)

ДВУСТИШИЯ

1

Я возвратился с работы домой.
Молча разделся как будто немой.

Снял свой пиджак и рубашку и брюки,
не ощутил ни тоски я, ни скуки.

Только чуть-чуть обломала мысля:
щас вот разденусь, а что опосля?

Чем заниматься? Ага, почитаю.
Но для начала, не выпить ли чаю?

Есть пастила и зефир можно съесть.
Сладкого хочется. Сладкое есть.

Скромен мой быт, чуть богаче, чем птица
я в этой жизни. Нормально, сестрица.

В сердце покой, в голове пустота,
всё хорошо. Обманула мечта.

На выключатель на кухне нажал я,
правильно всё в этой жизни, пожалуй.

Дождик пошёл за окном. Хорошо.
Вот и весна. Что я в жизни нашёл?

Просто привык. Я уселся на стульчик.
Чайник кипит. Будет всё-таки лучше.

Всё еще сложится, нужно лишь ждать.
Впрочем, не стоит впустую мечтать.

Мясо пожарю сегодня на ужин.
Тихо, спокойно. Никто мне не нужен.

2

Лёг на диван. Хорошо ощущать
сытость в желудке и просто лежать.

Просто лежать и читать. Сделал тише
я телевизор. Открыл Макса Фриша.

Нет, надо вырубить телек совсем.
Так-то вот лучше. Включу ровно в семь.

Фриш мой любимый писатель, похоже,
на настоящий момент. Он поможет.

С каждою строчкой души пустота ль
глубже и выше?.. Растёт вертикаль.

Перечисляет предметы писатель.
Им имена дает словно Создатель.

Я удивляюсь: закат, валуны,
море, трава, бледный месяц луны.

Или вот город: трамвай, мостовая,
здание банка, бутылка пивная.

Или герой вот: оделся, взглянул
в зеркало, шаркнул ногой, сел на стул.

Словно наезд кинокамеры: круча,
глина и камни, навозная куча...

Нет философии, есть только мир
образов, жестов. И, словно факир,

преображает писатель предметы:
вот запотевший стакан, сигареты...

Странное дело: как будто открыл
дверь в бесконечность. Такой вот посыл.

Как хорошо. Пропущу я, конечно,
«Новости» нынче. Там новость конечна.

3

Я за столом. На обои гляжу.
То ли пишу, то ли словно вяжу.

Видимо, так коротаю я время.
Что ж, одиночество — лёгкое бремя.

Слева лежат на столе стопки книг,
справа лежат на столе стопки книг.

Девы Марии фигурка из гипса
передо мной на столе, там, где Ибсен.

В рамочке фото: в швейцарских горах
Ира сидит на покатых камнях.

Ножки скрестила, упёрлась руками
в камень холодный. Холодный ведь камень.

Сзади неё вдалеке зубцы гор
снегом покрытые. Неба шатёр.

Солнца лучи у неё за спиною.
Тень перед нею и перед горою.

Что я сижу? Я собрался писать.
Правду сказать? Иль опять промолчать?

Тень на обои от шкафа ложится.
Правда-неправда — всё стерпит страница.

Главное, время заполнить трудом,
чтоб успокоилось сердце потом.

4

То ли простыл, то ли нет. Не понять.
Лай за окном непрерывный опять.

Сорятся, видимо, чьи-то собаки.
Жизнь у собаки от драки до драки.

В горле першит. Не простуды ли знак?
Что-то неважно мне. Впрочем, пустяк.

Жизнь у собаки от драки до драки.
Да. Мы, похоже, как эти собаки.

Страсти, рефлексы, инстинкты взялись
смело за дело. И это-то жизнь!..

Градусник надо подмышку засунуть.
Всё хорошо. Если плохо, то плюнуть.

Просто лежать и смотреть в потолок.
Просто лежать и смотреть в потолок.

Смолкли собаки, а, может, забылся
я, вспоминая, как счастья лишился.

Не огорчаться. К чему? Ни к чему.
Быть благодарным. Судьбе и Ему.

Может, Ему благодарность, как пища,
и не нужна. Я же сердце подчищу.

5

Ветер гудит всё сильнее на крыше.
Снова улёгся, открыл Макса Фриша.

Но положил себе книгу на грудь,
может попробовать лучше уснуть?

Вот и закончился день, так похожий
на предыдущие. День ещё прожит.

Выключил свет и улёгся в кровать.
Не вспоминай. Да и что вспоминать?

Ветер на крыше вовсю завывает.
Дождь за окном. Всё на свете бывает.

Детские страхи припомнил опять.
Сладко их вновь было б мне испытать.

Впрочем, итак беспокойство и смута
в сердце моём всё сильней почему-то.

Это смятенье лелею в душе:
сладко лишь мне и не страшно уже.

Дождь перестал. Ветер стих. Пролетела
жизнь пред глазами. И вот оно — тело,

тело, в котором душа. Тридцать пять
лет говорят ему. Трудно сказать.

Скоро усну. Ничего не тревожит.
Всё улеглось. День ещё один прожит.

Май 2000 г.

* * *

Весна почти прошла. Прошло и вдохновенье.
А было ли оно? Не ведаю — бог весть.
Последнее пишу сейчас стихотворенье
за этот я сезон весенний. Предпочесть

сонет решился я всем прочим формам. Это
не символ, а, скорей, лишь прихоть, да и та
случайности дитя, поскольку для сонета
мой прозаичен дух, и не влечёт мечта.

Мечты, мои мечты, разбились вы как волны
о берег жизни той, что противостоит
вам многие года, и список ваш неполный

хранят мои стихи, а память не хранит.
Душа как море спит, — на море штиль, не смута,
и всё-таки оно чуть мёртвое как будто.

29 мая 2001 г.

МАЙСКИЕ СТИХИ

1

Вот майский гром, а вот окно,
где в небесах черным-черно,
а дом напротив, белый, блочный,
лучом закатным и проточным,
как светом правды озарён.
И кто в картинке растворён?

Дождь хлещет по асфальту так,
как будто посягает мрак
весну загнать обратно в почку
назло зелёному листочку,
чей взрыв салатовый — на взгляд —
рапидом времени заснят.

Луч солнца скрылся, дождь прошёл
в одно мгновенье: хорошо!
А под окном моим рябина
блестит — рекламная витрина
нерукотворная — корой,
как всех времён телегерой.

2-3 мая 2003 г.

2

Белеют тучки в синеве,
свет льётся с неба слишком яркий,
и возникает без помарки
стих в восхищённой голове.

Щебечут птички за окном,
и льётся музыка из окон
как завиток, как женский локон
в лучах, которые кругом.

Но скрылось солнце, тень легла
как вековечное сомненье,
и за окном всё то же пенье,
но радость в сердце умерла.

3 мая 2003 г.

РОДИНА

Люблю я родину обычною любовью.
Люблю я песен русских простоту
и грусть высокую, люблю таить мечту,
бродя по деревенскому подворью.

И детство вспоминая, средь двора
запущенного я люблю в печали
бродить и голос умерших едва ли
не слышать, словно он звучал вчера.

Люблю, в Москву вернувшись, радость знать
как в обретённой заново потере,
и фильм люблю «Москва слезам не верит»,
и осени дождливой благодать.

Люблю снобизм московский, и улыбку
красавицы с рекламного щита,
и понимая, что вокруг тщета,
порой люблю всеобщую ошибку.

И кадры кинохроники с полей
сражений пробивают вдруг на слёзы.
И, как лекарство, принимаешь дозы
суровой правды родины своей...

2003 г.

ЭТО БЫЛО ТАК ДАВНО

Это было так давно:
танцы в клубе допоздна.
Мозаичное панно
«Комсомольская весна».

Светомузыка и хрип
в микрофон, что чуть фонит:
«В свой вагон зашла она,
улыбнулась из окна».

А из этой толкотни
выйди, воздуха глотни,
сигаретку закури,
ни о чём поговори.

В небе звёзды так крупны
словно на лимане соль,
но они мне не видны —
ум мне застит алкоголь.

Лишь потом, когда уже
провожу подругу спать,
я на горнем этаже
встречусь с совестью опять.

И, пристыженный, паду
на скрипучую кровать
и задумчиво звезду
буду в небе наблюдать.

Сквозь ажурную листву
веток яблони в саду
взгляд пущу по существу
и слезами изойду.

22 сентября 2003 г.

НАБОКОВ

Максиму Лаврентьеву

И розовый гранитный особняк,
и Зинаида Гиппиус — кузина
директора училища — всё так:
Россия, звёзды, Мнемозина.

Экслибрис в толстых томиках Дюма,
и бабочка на листьях скабиозы,
всё это рядом — не сойти б с ума —
о, этих грёз убийственные дозы!

И ночь расстрела грезится ему
в своей стране, где не найти участья,
где хорошо немногим... никому,
но весь овраг в черемухе — о, счастье!..

1 февраля 2004 г.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЬ

День серый, но как будто чем-то новый,
летают мошки белые под носом,
и дворник, к испытаниям готовый,
снег посыпает солью, словно просом.

Я в магазин утоптанной дорожкой
иду, в карманах руки отогревши;
сидит старушка на скамейке с кошкой,
и яблоками пахнет снег осевший.

8 февраля 2004 г.

* * *

Читать людей, как будто бы донос,
с ума сойти от собственных ошибок,
и утирать брутальный римский нос
своей судьбе спокойствием улыбок.

Я падаю, уже не поднимусь,
как хорошо последнее паденье!
Я весь в ничто перетекаю, жмусь
я к людям, как растение к растеньям...

8 апреля 2004 г.

ЭКСПРОМТ

Когда мне было десять лет,
я выглядел иначе,
я был блондином, не был сед
и был вождём аппачей.

Теперь ничейный я не вождь,
зато себе хозяин:
люблю в окно смотреть на дождь
с метафизических окраин.

29 июня 2004 г.

ГОТЫ

Когда я сдохну, над могилой
прольётся дождь, и никого
я не увижу, даже милой,
и даже друга своего.

Крест покосится, лопухами
могилка прорастёт, увы,
поклонница, смердя духами,
не склонит нежной головы

над важным трупом. Только готы
напившись пива, обоссут
прогнивший крест мой или боты
о край заградки оботрут.

И хорошо. И так и надо.
Я сам как вы, я делал так.
И потому весёлым взглядом
вас провожаю на тусняк...

13 сентября 2004 г.

ГОРОДСКОЙ ВЕЧЕР

На металлические реки,
по улицам Москвы текущие,
гляжу, почёсывая веки,
и думаю о нашем будущем.

И думаю: вот это на фиг
цивилизация! С ума сойти!
Курчавый, как Артём Варгафтик,
не скажет Бог: рукой не мацайте

моё Творение, уроды!
А мы такие, мы рукастые!..
И в металлические воды,
текущие «Оками», «Маздами»,

«Тойотами» и «Мерседесами»,
вхожу я, пасынок Московии,
и напеваю тихо: бэса мэ...
ну то есть... муча... ну вы поняли!..

12 января 2005 г.

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Ночные мысли — как укол
иголки в нервное сплетенье,
и мысль двоится: так вот, мол,
и едет крыша от биенья

упорной думы, что ежом
топорщится в мозгу бесплодном,
и душу — ниже этажом
живущую — волной холодной

зальет отчаянье... Но сил
набравшись или выпив водки,
уснёшь и, глядь, переступил
через отчаянье кокотки,

в тебе живущей, словно жизнь
тебя содержит слишком плохо...
Гляди на солнце и держись —
так утром скажешь после вздоха...

27 февраля 2005 г.

* * *

Я шёл сегодня по улице,
капало с крыш, светило солнце,
было ярко, приходилось жмуриться,
и потому я походил на японца.

Я думал о тайной печали
и радовался весеннему настроению,
у книжного магазина кричали
весело девушки — новое поколение.

Было шумно — Тверская всё-таки,
как хорошо жить на свете, думал я,
и вдыхал вкусный воздух в лёгкие,
как воду пил в реке Амударья.

Кстати, Амударья. Названье из детства,
СССР, урок географии,
долго живу я, скажу без кокетства.
(Не вспоминай, не смотри фотографии...)

Я так же юн и такой же ребёнок,
только уставший и малость напуганный,
в стекле отразился мой подбородок,
а вот и я сам — возрастом застуканный —

какой-то взрослый мужчина,
сорока лет, с длинными патлами,
но ничего, это не кручина,
я счастлив здесь и сейчас, это главное.

17 марта 2006 г.

* * *

Жизнь похожа на рваный мешок с картошкой,
дни бегут — расползается шов,
и, просыпав на землю тяжесть мира, рыжим Антошкой
стоите и думаете: хорошо.

Стоите среди поля и думаете — куда я шёл?
Какая разница, если нет желаний.
Можно, конечно, в книжке почиркать карандашом,
но лучше так наслаждаться, без знаний.

И начинаете идти, потому что страх подгоняет,
впереди горизонт, позади висельником качается
память сердца, но надежда не умирает:
«Ничего, завтра будет лучше!»...
Но ничего не случается...

18 апреля 2006 г.

В СЕВАСТОПОЛЕ

Солнечное небо, обгоревший живот,
даже веки щиплет — тоже обгорели,
я занимаюсь делом или наоборот:
вглядываюсь пристально в призрак цели.

Я в Севастополе. Славный город.
С утра до вечера какое-то колыхание
тела в пространстве, мыслей мелькание
и здоровый, по распорядку, голод.

Я режиссёр — ничего лишнего
в голову не лезет — приятный взгляд вовне;
разве что иногда раздражаюсь на ближнего,
когда что-то не так, как хотелось бы мне.

Хорошо. Лучшего не надо.
Впрочем, почему-то жалко времени...
Вокруг балюстрады, лестницы, колоннады,
инкерманский камень и братья по племени.

Май 2006 г.

МНЕ НЕКОГДА

Мне некогда подумать о себе —
работаю порой до самой ночи.
Мне некогда подумать о судьбе,
о справедливости и огорчаться очень.

Так жгу я настоящее, увы,
не думая о сделанного смысле,
и к ночи из чугунной головы
не вытянуть живой и свежей мысли.

Забыв себя и прошлоё своё,
работаю, вгрызаясь в нечто вящее
сознанием, что точно копиё
в цель замысла летит сквозь настоящее.

Но это настоящее — говно,
ведь я теперь работаю в кино,
а это компромисс на компромиссе.
И есть желанье дать пинка актрисе,

а нужно улыбаться — я стараюсь
и научаюсь — сам с собой в борьбе.
Мне некогда подумать о себе,
о том, во что я тихо превращаюсь...

5 августа 2006 г.

ИЗ КНИГИ ДЕСЯТОЙ. «СОЛНЕЧНАЯ НИТЬ»

(2006–2010 гг.)

* * *

Тяжёлый день сегодня был: чуть не ссадили с поезда
за нарушение мною паспортного режима.
Сейчас ночь. За окном джанкойский вокзал проплывает,
хочется стишок написать без рифмованного нажима.

Буду меньше рифмовать, больше писать правды.
В купе я один, вещи почти собраны, хочется помыться.
Впрочем, как приеду, сниму номер в гостинице.
Здравствуй, моя родина, прощай неуютная заграница.

Впрочем, везде я чужой, хоть неохота мне такое писать,
ибо придётся в себе покопаться, найти чтоб виновного.
И он, конечно же, будет найден, конечно же, это я.
Такое вынужденное признание из чувства правдоподобного.

24 октября 2006 г.

* * *

Как зверь брожу я по квартире,
круги наматывая зря;
а может побряцать на лире,
компьютеру благодаря?

И то, пожалуй, развлеченье.
Иначе время просто жгу
как нефть — без цели, без значенья, —
лишь утомляясь на бегу.

Смысл обретая ненадолго
в движенье ложном ни к чему,
я мыслю: дух мой — та же ль Волга?..
куда впадает?.. Не пойму...

3 февраля 2007 г.

* * *

Солнечный морозный день.
Радостно-воздушно!
Только скоро ляжет тень
сумерек бездушных.

Так что в радости есть грусть;
и ловлю мгновенье:
день закончится, так пусть
хоть в стихотворенье

эта солнечная нить
золотит мне память,
чтоб хоть что-то сохранить,
что-то не заямить.

2007 г.

* * *

Каштаны в Киеве цветут,
сирени запах обалденный.
Я счастлив оказаться тут,
в прекрасно сотканной Вселенной.

Шагаю, радостно дыша,
и жизнь вокруг благословляю.
Я никому здесь не мешал,
и никому не помешаю.

Спасибо, Господи, Тебе,
за жизнь, как дар, за это чудо
увидеть то, что Ты хотел
мне дать, как лакомое блюдо.

3 мая 2008 г.

* * *

Молчи, скрывайся и таи —
сказал один поэт.
И я молчу, друзья мои,
тут разговора нет.

Тут разговора нет, друзья,
там разговора нет...
Не делай то, чего нельзя,
как завещал поэт.

28 июля 2008 г.

* * *

«Boney M», а после «ABBA»
я послушаю один
и расхнычусь точно баба...
Вот и дожил до седин.

Иль «Pink Floyd» включу погромче,
вспомню юность и портвейн,
как разглядывал я почерк
одноклассницы своей...

Ванька, Сёмка, Серый Смольный
мои лучшие друзья...
Но довольно, брат, довольно...
Сопли распускать нельзя...

3 июля 2009 г.

* * *

Иллюминация. Крещатик.
Повсюду музыка как гул.
Бухой, в распахнутом халате,
на лавке Дед Мороз уснул.

Снегурка дышит перегаром
ребёнку нежному в лицо,
присев перед семейной парой,
перед застенчивым отцом.

Бесснежный вечер. Променады.
И не безмолствует народ.
Наверно всё идёт как надо,
наверно скоро Новый год.

25 декабря 2010 г.

* * *

Ничего не хочется менять.
Никого не хочется учить.
Я родился ничего не знать,
я родился просто жизнь прожить.

Мимо пролетает чья-то жизнь,
мимо пролетает и моя...
За надежду зыбкую держись,
за её сыпучие края...

30 января 2010 г.

* * *

Был я молод и прекрасен,
хоть, возможно, грязноват.
А теперь я чист и ясен,
однозначен, туповат.

Вот такие перемены,
вот такой круговорот.
Оказалось, что я тленный,
скверный вышел анекдот.

Май 2011 г.

ИЗ КНИГИ ОДИННАДЦАТОЙ. «ПАПА В ЦИРКЕ»

(2012–2021 гг.)

СТИШОК О ДЕВОЧКЕ

Лучше всех на свете
Девочка моя!
Это знают дети,
Это знаю я.

Это знают мишка,
Зайчик и волчок.
Озорной мальчишка,
Смирный старичок.

Это знают трутень,
Пчелка и оса.
Это даже Путин
Говорил мне сам.

Это знают жаба,
Ласточка и клён.
Девушки в хиджабах,
Президент ООН.

Шепчут «Как ты люба!»
За пять тысяч вёрст
Ботоксные губы
Голливудских звёзд.

В мире не встречался
Мне такой халдей,
Чтоб не восхищался
Девочкой моей!

2013 г.

ВЕСНА В КИЕВЕ

Почки набухают,
будет хорошо.
Во дворе бухают,
говорят: «А шо?»

Без пальто в толстовке
хорошо пройтись
по подсохшей бровке,
жмурясь, глядя ввысь.

Солнце. Потеплело.
Вот опять весна.
Жизнь — такое дело.
Жизнь — она ясна.

5 апреля 2016 г.

ПАПА В ЦИРКЕ

Я сегодня в первый раз
с папой в цирк ходила.
Папу очень цирк потряс,
всё так удивило.

Когда клоун выступал
и кривлялся глупо,
папа мой так хохотал,
это было тупо.

Больше с папой не пойду
в цирк среди народа.
Лишь до цирка проведу,
подожду у входа.

2019 г.

* * *

Как красиво желтеют берёзы,
я хочу точно так же стареть.
И морозы, и слёзы, и розы
срифмовать и легко умереть.

Жизнь банальна. Скажите хоть что-то,
что добавило б миру ума.
После пятницы будет суббота,
после осени будет зима.

Вспоминай же таинственный кладезь,
тот, что в детстве тебя напитал,
подарил тебе чистую радость,
неземною тоской испугал.

Потому в мое детство, что рядом,
я гляжу, как сквозь толщу воды,
и ловлю своим внутренним взглядом
тех, кто вывел меня из беды.

Моя мама с улыбкою чудной
обнимает ребёнка, меня.
В настоящем всё зыбко и трудно,
а тогда мир меня охранял.

Вот вчера было, кажется, лето,
а сегодня осенняя грусть.
Детство, детство, ты словно планета,
та планета, куда я вернусь.

2019 г.

* * *

Наступают холода,
птички срут от страха,
эта жизнь не навсегда,
эта жизнь из праха.

Вроде выйдешь ты во двор
слушать хохот детский, —
на тебя глядит в упор
старичок соседский.

Он-то знает, что по чём,
птички срут недаром,
полон тихий старичок
до краёв кошмаром.

2020 г.

* * *

Посмотри налево, посмотри направо,
перейди дорогу на зелёный свет.
В облаках витаешь, мальчик величавый,
даром, что сегодня пятьдесят шесть лет.

Хлеб купи и сахар, если будет — масло,
ну, купи конфеты, только двести грамм.
Чтобы в этом мире солнце не погасло
существуют вечно наставленья мам.

Управляешь миром? Справься со шнурками
и послушай маму без глухой борьбы:
важно быть хорошим, мёд не есть руками,
не ломать деревья и чужой судьбы.

Надевай же шапку, мальчик седовласый,
выйди прогуляться тёплою зимой,
слышишь, чья-то мама подзывает Власа,
скоро кликнет мама и тебя домой...

2021 г.

ИЗ КНИГИ ДВЕНАДЦАТОЙ. «ПЕРВЫЙ СНЕГ»

(2022–2024 гг.)

* * *

Мне никогда не нравились поэты,
среди актёров я любил тусить.
Поэты так неряшливо одеты,
свои стихи так любят голосить.

Актёры и актрисы поприятней,
вот только жаль — уж слишком дурачки.
С поэтами и разговор занятней,
они умней — почти у всех очки.

Одна беда — как те, так и другие
уж слишком ставят славу высоко.
Не лучше ль с продавцом из Адыгеи
дружить, друзья? С ним просто, с ним легко.

С водителем трамвая тоже можно.
Так полюби же, братец, простоту.
Но я люблю всё то, что очень сложно.
Опять ступлю я на стезю не ту.

Но вот вам путь: дружите лучше с девой,
с красавицей делите свой досуг.
Но тут я вспомнил, что с Адамом Ева
наделала — и усомнился вдруг.

Быть одному, наверное, надёжней.
Возможно, я поэтому один.
Но с каждым годом одному тревожней.
Ты словно водолаз морских пучин...

Так как же быть? Ответа не имею.
Зачем пишу? Я время провожу.
Я и судьбой своею не владею,
я и себя средь вас не нахожу.

24 января 2022 г.

* * *

Одуванчик растёт у дороги
как и было полвека назад.
Брось же взгляд мне из прошлого строгий
будто я пред тобой виноват.

Да, я знаю, не так всё сложилось,
не о том я мечтал, строгий брат.
И когда б не Господняя милость,
был бы я и сильней виноват.

Строгий брат мой, ты мальчик и только,
ты не знаешь, что значит стареть.
Семь на восемь умножь — это сколько? —
и прибавь единицу — ответь.

Это возраст мой, милый мальчишка,
ты же вечный ребёнок во мне.
Понимаешь, у жизни есть «фишка» —
обмануть и утешить вполне.

Ужасаться не надо, мой милый,
и меня презирать не спеши.
Сохрани свои юные силы
для такой же прекрасной души.

Нет коварнее этой удавки,
что мы бренною жизнью зовём.
Посмотри — я стою у заправки
за бензином с машиной вдвоём.

Одиночество, скука, досада —
вот к чему я пришёл сквозь года.
Но жалеть меня тоже не надо.
Отвращаться? Пожалуй, что да.

Одуванчик растёт у забора
как и было полвека назад.
Посмотри на меня без укора,
дорогой мой товарищ и брат.

21 мая 2022 г.

* * *

Если ты товарищ не скандальный,
если ты не пьёшь и не бузишь,
то поэт ты вряд ли гениальный, —
покоряй Тамбов, а не в Париж.

Есть ещё народная примета, —
верная для гения печать, —
просто неприлично для поэта
жизнь самоубийством не кончать.

Ты ещё скажи, что служишь в банке
или, может, даже кулинар.
Это не годится для огранки,
ну какой возможен тут пиар.

Если же ты скромен, это плохо,
разве Маяковский скромно жил?
Так что расчеши тщеславья похоть,
миру своё имя навяжи.

Впрочем, будь всегда чуть-чуть убогим,
ибо у коллег завистлив глаз; —
чтобы не сказали тоном строгим:
убирайся, это наш Парнас!

И ещё советую, — не знаю
для чего пишу я этот труд, —
нужно быть в литературной стае,
а иначе хищники сожрут.

Впрочем, это только трёп досужий,
ёрничает старый маргинал,
всё на самом деле много хуже,
чем я тут шутейно описал.

26 января 2023 г.

* * *

В феврале уже солнышко светит,
даже птички на ветках поют,
есть один магазин на примете,
там всегда вкусный кекс продают.

Я иду в магазин вдоль дороги,
солнце светит, как добрая весть,
снег блестит на земле, — в общем, боги
намекают мне, счастье, мол, есть.

Счастье есть, соглашаюсь я даже,
а покамест схожу в магазин,
там хорошие кексы в продаже,
я куплю себе к чаю один.

13 февраля 2023 г.

* * *

Люблю на чистый лист смотреть и предвкушать
что, может быть, сейчас на нём стихотворенье
сподоблюсь написать и потому тетрадь
порой люблю открыть без цели сочиненья.

Вот и сейчас смотрю опять на чистый лист,
он обещает мне так много, что невольно
я скован тем, что он так многомерно чист, —
нет, не хочу марать, — вздыхаю богомольно.

Что я могу сказать, чтоб эту белизну
суметь мне превзойти полётом вдохновенья?
Но я смотрю на лист, и чувствую вину,
ведь я уже пишу на нём стихотворенье.

Исчёркал, исписал я строчками листок,
но тайны больше нет в измаранной странице, —
да, таковы слова, которыми я смог
безмерности задать убогие границы.

19 февраля 2023 г.

ПОЭТУ

Ты трудишься зачем, скажи мне, для кого,
что даст тебе стишок, написанный удачно,
ты станешь вдруг богат, успешен и всего
достигнешь в тот же миг, как, больше не артачась,
все рифмы, оробев, придут к тебе на ум,
мол, на, бери нас всех, пиши и вдохновляйся?
Так что тебе даёт дешёвый твой парфюм,
которому цена в небесном только прайсе
проставлена не та, что здесь, среди людей,
и то, что там в цене, здесь ценится в копейку?..
Но ты опять оглох, ты с музою своей
опять согрет мечтой, как нищий телогрейкой.

И это хорошо, я сам такой как ты,
и всё, что говорил тебе, а ты не слышал,
я делал для того, чтоб затянуть болты
под истиной простой: прекрасно всё, что выше.
А выше только то, что долговечней, да,
и что, как ни крути, кончается любовью;
всё остальное, друг, дорога в никуда,
мы не пойдём по ней с покорностью воловьей.

20 февраля 2023 г.

* * *

Я Тютчева любил когда-то,
а Фета, помню, не любил,
моя душа была крылата,
то был избыток юных сил.

Потом, свои утратив крылья,
моя душа осела вдруг,
и вот распалась камарилья
слуг истины, неверных слуг.

И я свои покинул ясли
внутри классических палат,
где я как сыр катался в масле,
где я был свой, где я был хват.

И вот дорогой заблуждений
пошёл, тоскуя о былом,
оно понятно: там я гений,
а здесь — я лошадь под седлом.

Но постепенно память стёрла
всё, что не любит модернист,
и вот уж я, прочистив горло,
запел по-новому, артист.

А Фет... Его читаю часто
в метафизической глуши,
но он как медицинский пластырь,
перцовый пластырь для души.

21 февраля 2023 г.

* * *

Говорят, что покидают силы
и поэт с годами уж не тот,
юноша, сними свои виниры,
вытри над губою мелкий пот.

Я и сам когда-то думал также
и глядел на старших свысока,
жизнь прошла перед глазами баржей,
и покрылась ряскою река.

Но зато теперь я много знаю
и могу вот так тебе сказать:
молодость твою я понимаю,
ты ж меня не можешь понимать.

Впрочем, ты опять меня не понял
и глядишь заносчиво и зло;
маленькое розовое пони,
пусть тебе везёт, как мне везло.

27 февраля 2023 г.

* * *

Последний зимний день сегодня,
двадцать восьмое февраля.
И лес стоит как бы в исподнем,
и чёрная кругом земля.

Но всё-таки природа чует
уже весеннее турне,
и солнце пятнами рисует
как Левитан или Моне.

Гуляю по лесопосадке,
здесь тихо, птички вот поют,
и если думать без оглядки,
то ощущается уют.

Подумалось: в лесопосадке
я вижу истины муляж;
и для глазной моей сетчатки
оздоровителен пейзаж.

А слева трасса, сзади город,
где я живу, где все живут,
но здесь прекрасным я поборот
и вижу лишь природы труд.

И говорю я: как красиво,
невольно это говорю
и в даль бросаю банку пива,
уже в вечернюю зарю.

Но это шутка (я про пиво),
дурная шутка, соглашусь,
и всё-таки кругом красиво,
люблю я киевскую Русь.

28 февраля 2023 г.

* * *

В фейсбуке* пишут о весне.
А я полдня провёл в квартире,
где на единственном окне
роллет, как крышка на клавире,
мешает звучно мне сыграть
на первом дне весеннем хмуром,
то бишь стишочек накропать,
в окно уставившись с прищуром.

Но поднимаю я роллет, —
открыта крышка на клавире, —
ну и зачем же я поэт,
когда мне нечего о мире
сказать волшебного, — во двор
гляжу унылый и вчерашний;
не поднимай сегодня штор,
сиди в своей слоновой башне…

1 марта 2023 г.

* *Фейсбук признан экстремистской организацией в России.*

МАРТ

Вот это я понимаю,
с утра лупит солнце в окно,
идём мы навстречу маю,
как в детстве идём в кино.

Природа стоит в исподнем,
в исподнем стою и я,
довольный миром Господним
на кратком участке дня.

И комната вся озарилась
подобно, мой друг, янтарю,
ну что же, спасибо за милость —
невольно я вслух говорю.

2 марта 2023 г.

* * *

Там, за горой, живёт поэт,
ему примерно двадцать лет,
и он пока ещё не знает,
что он поэт, но он согрет
любовью, что его питает.

Он ест яичницу, в окно
глядит и видит, что темно,
и в отражении стекольном
себя рассматривает, но
грустит в сомнении невольном.

Ведь он влюблён как Дон Кихот
в одну блондиночку, и вот
себя достойным не считает
её божественных красот,
и, прослезившись, он вздыхает.

Но здесь оставлю я его,
пусть он грустит от своего
несовершенства, как считает;
с ним не случится ничего,
его любовь спасёт, спасает.

Что делать мне, который — тут,
и за которым не придут
уже ни ангелы, ни черти,
что делать тем, кого несут
круги вращательные к смерти?..

Вот где услышать бы совет,
но здесь советчиков и нет,
разве что помнить ежечасно,
что за горой живёт поэт,
и его истина прекрасна...

3 марта 2023 г.

* * *

Сегодня день — ни то, ни сё,
то пасмурно, то солнце светит,
и, передумав обо всём,
уж можно помечтать о лете.

Ещё до лета далеко,
ещё до мая нам дожить бы,
и март артачится, влеком,
как старый холостяк в женитьбу,

в весенний радостный уют,
чтобы зажить по-человечьи,
где люди с птицами поют,
и каждый на своём наречьи.

Я тоже словно этот март
исполнен статики и страха,
и всё же чувствую азарт
от динамичного размаха.

Что ж, не спеши, весна, вперёд,
помедли, дай душе участье
в подробностях твоих красот,
хоть я, как март, не верю в счастье.

5 марта 2023 г.

* * *

подсохнет тропинка в лесу
я снова пойду прогуляться
с собою возьму колбасу
ведь надо же чем-то питаться

я воздухом буду дышать
и миром дерев любоваться
чтоб после в стихах описать
как это прекрасно всё братцы

а съел ли свою колбасу
вы спросите может поэта
я в массы культуру несу
а вы мне, скажу я, про это

зачем же тогда я сказал
что шёл с колбасой прогуляться?
для рифмы я это писал
не надо ко мне придираться

5 марта 2023 г.

* * *

не боги горшки обжигают
услышал я как-то впервой
и думал а чем же я хуже?
дружи со своей головой

но время стирает гордыню
и я по-другому смотрю
как жаль что горшки обжигают
не боги, теперь говорю

вам логика мысли навеет
быть может и вывод простой
но юности это неясно
кипит в ней сердечный восторг

6 марта 2023 г.

ВОДОЛАЗ

не обижайте человека
сказал мне как-то водолаз
смотрите: улица, аптека
вода в Днепре в который раз

не обижайте и животных
продолжил искреннюю речь
какой-то человек из плотных
что вышел истину стеречь

и я проникся: в самом деле
ведь это то, что нас спасёт
а водолаз сидел в постели
акриды ел и дикий мёд

6 марта 2023 г.

АМУР

Обычный серенький денёк,
хотя сегодня и теплее,
он вновь гуляет одинок,
Амур, сбежавший от Психеи.

Он Зевсом изгнан был давно
с Олимпа за свою надменность,
бессмертия лишился, но
он рад свою увидеть тленность.

Психея ж вечно молода,
поскольку в сонм богов попала,
его ж состарили года,
его б Психея не узнала.

Он курит Winston, пьёт вино
и нахлобучивает шапку
на брови, кротко и умно
на мир поглядывая зябкий.

Всё хорошо, хотя порой
он вспоминает о Психее,
тогда вдруг плачет мой герой
и восклицает: где я? где я?!..

И всё же, думает Амур,
гуляя в зимнее ненастье,
жить вечно — это чересчур,
а умереть для бога — счастье...

9 марта 2023 г.

* * *

Колю я узнаю по причёске —
я услышал девушки слова.
Дождик лил какой-то мелкий, хлёсткий,
было неуютно мне сперва.

Но когда услышал я про Колю
от девчонок, что прошли гурьбой,
стало мне теплее как-то что ли,
стало веселее мне с собой.

Девушки вот Колю обсуждают,
ты ж идёшь унылый и пустой,
хорошо, что молодость бывает,
со своею радостью простой.

10 марта 2023 г.

* * *

Ребёнок плачет за стеной,
а может во дворе, не знаю.
Мы все рождаемся с виной,
мы все живём с тоской по раю.

Кто скажет: он не виноват?
какой глупец самодовольный?
Прости же мне вину, мой брат,
я робот-автомат невольный.

И если б не покрыла раз
мой ум любовь, то я согласен, —
я б тоже жил как Фантомас
из фильма, чей мотив неясен.

Мир разобьётся как хрусталь,
если любовь его оставит,
вот потому ребёнка жаль,
что плачет, требует, картавит.

10 марта 2023 г.

* * *

Я в магазин схожу за хлебом,
по ярмарке пройдусь чуток,
я мог родиться Петей, Глебом,
а Питером уже не мог.

Я мог родиться Исааком,
если на то уже пошло,
я мог растением быть, маком,
когда б чуть больше повезло.

Я пастухом мог быть иль рядом
пасущейся коровой быть,
за оборону Сталинграда
я мог бы орден получить.

Я мог бы быть и оберегом
в родных руках Наташ и Зин,
но я родился вот Олегом,
иду за хлебом в магазин.

То гривны, то рубли в кармане —
вот наша правда испокон,
и потому мне ближе Ваня,
а не какой-то Пол иль Джон.

12 марта 2023 г.

* * *

я помню «Лунную сонату»
что душу мне рвала когда-то
моя душа была большой
как океан была безбрежна
но не осталось за душой
того о чём я вспомнил нежно

теперь во мне душа не та
во мне теперь душа крота,
когда же «Лунную сонату»
сегодня слушаю порой
то размышляю, где же спрятан
во мне тот юноша-герой

13 марта 2023 г.

* * *

где этот мастер, блин, фломастер
что должен интернет чинить?
он, может, у акулы в пасти
оттуда трудно позвонить

уж два часа сижу одетый
в своей квартире, стынет суп
сниму пожалуй эполеты
и оголю пожалуй пуп

так в ожиданьях жизнь проходит
должно быть мастер просто тролль
а есть ли мастер тот в природе
хотя бы в виде соли что ль?

13 марта 2023 г.

* * *

Я домолчался до стихов,
теперь меня не остановишь,
сижу до третьих петухов
и Аполлон теперь мой кореш.

А было время, я в друзьях
ходил у Ванечки и Сёмки,
и мы таскались на бровях,
надувшись пива из соломки.

Мы пьяны были от любви,
ещё от молодости пьяны,
на дискотеке до крови
дрались и падали в бурьяны.

Серёжка Кунин, обними
гитару, словно комсомолку,
спой про пирата, не томи,
что стройную любил креолку,

про птичку на ветвях души,
ведь это юношества грёза,
пират любовь не пережил,
а мы живём и в этом проза.

И покровитель Аполлон
со мной идёт, глядит на встречных,
и вот я думаю: что он? —
не знающий потерь сердечных...

14 марта 2023 г.

* * *

писать стихи легко ваще-то
сказал ты строчку наобум
и вот подъехала карета
садись, не думай, тугодум

карета едет — ум толкает
куда приедешь — невдомёк
и только ангел наблюдает
и подливает кофеёк

про золотое вы сеченье
наверно слышали, друзья
а я смотрю как сквозь свеченье
того, что выразить нельзя

15 марта 2023 г.

* * *

бывало в юности ловил
в толпе людей я взгляд из рая
и словно на себе женил
во взгляд тот сердцем упадая

как чужестранец я ходил
искал таких же чужестранцев
но вот остался я без сил
и нет в душе небесных танцев

и больше не ищу тот взор —
блеск бриллианта из оправы —
он для меня теперь укор
и повод к мыслиям лукавым

17 марта 2023 г.

* * *

сонный взгляд на сонный мир
а ведь помнится, когда-то
я пронырливей проныр
целый день бежал куда-то

а теперь я просто встал
и погони не приемлю
обежал я трижды Землю —
не нашёл, чего искал

18 марта 2023 г.

* * *

что можно в джинсах знать о мире?
допустим ты певец весны
и в джинсах ты бренчишь на лире
а надо б прежде снять штаны

любой дурак гуляет в джинсах
а ты жабо надень весной
и сразу мир вокруг таинствен
и полон радости иной

19 марта 2023 г.

* * *

зелёный мох покрыл стволы
акации уже засохшей
ну где же тут в лесу углы
куда мне спрятаться от мокшей?

смотри, он смотрит на меня
косит каким-то взглядом вещим
да ты не мокша ты клешня —
а, это пассатижи, клещи!

я пассатижи с ветки сбил
и поднял рашпиля фрагменты
наверно Бог, когда творил,
забыл свои тут инструменты

22 марта 2023 г.

* * *

ворона каркает зовёт
своих сородичей на ужин
и сообщает может: вот,
здесь и на солнышке к тому же

и у вороны есть друзья
а я живу в уединеньи
и смотрят на меня семь я
дробясь в зеркальном отраженьи

я словно средь камней цветок
я мать-и-мачеха в апреле
и безымянна словно ток
моя душа в знакомом теле

23 марта 2023 г.

* * *

художник должен быть голодным —
я слышал в жизни много раз
а в юности когда светился глаз
я даже верил этим вводным

когда же глаз один потух
когда второй ещё светился
я очень сильно рассердился
советам этих повитух

художник должен быть счастливым —
я как-то вывел свой закон
со мной согласен был Ньютон
ходивший с яблоком червивым

Ньютон сказал мне: Алибек,
моя душа полна участья
конечно хочется всем счастья...
пришлось поправить: я — Олег

24 марта 2023 г.

* * *

Олег Блохин по телевизору,
и я болею за «Динамо».
«Остынет, ужинать иди, сынок», —
меня зовёт из кухни мама.

«А можно в зале я покушаю,
я подстелю газету, мама», —
и ухом чутко телек слушаю,
а вдруг забьёт сейчас «Динамо».

Сестра на кухне ест послушная,
отец, куривший у окошка,
мне говорит: «Садись же ужинать,
пока горячая картошка».

«Но там футбол, ну можно, папочка!» —
«Как мама скажет». — «Ладно, можно».
И я спешу с тарелкой, в тапочках
отцовских, слыша как истошно

кричит из зала комментатор —
вот неподдельные где страсти...
Как хорошо было когда-то,
вот что такое было счастье.

Я помню лето то Господне —
как много света, много пуха...
«Блохин забьёт, но не сегодня», —
шепчу я мальчику на ухо...

26 марта 2023 г.

* * *

Интернет, как чёрная дыра,
пожирает время моё на фиг.
Жизнь моя давно et cetera,
вот где ограничен сильно трафик.

Вот бы где провайдера спросить,
почему так доступ ограничен
к нужной мне возможности любить,
и зачем мы глупости талдычим.

Я смотрю на солнце, на траву,
на детей и, сердцем ободрённый,
радуюсь, что я ещё живу,
но сигнал приходит искажённый.

Где же в сердце прежняя любовь,
как вернуть на всю катушку трафик?..
А пока я в интернете вновь
убиваю время своё на фиг...

30 марта 2023 г.

* * *

Стихи мои как упражнения, —
сценическая речь артиста, —
и здесь возможны допущения
банальностей и полуистин.

И если я артикулирую
вам то, что думаю как будто, —
не верьте мне, — я генерирую
то, что рождает вдруг минута.

Порой я не согласен с выводом
и с логикой стихотворенья,
когда слова, как птичий выводок,
толкутся вслед за дребеденью.

И говоришь: как упражнение
пускай останется, нормально,
и думаешь: не то мгновение,
опять, увы, не гениально...

1 апреля 2023 г.

* * *

Апрель как строгий воспитатель,
что в класс вошёл, где все шумят, —
тепло ведь было, — здрасьте, нате, —
опять мир холодом объят.

И птицы, что шумели было,
вдруг смолкли, как ученики,
и небо серо и уныло,
неужто снег пойдёт с тоски?

Апрель похож на мир мужчины,
которому под пятьдесят,
он не смеётся без причины,
он видел всё это стократ.

И день под этим хмурым взглядом
как будто бы немного скис,
но хорошо, что где-то рядом
гуляет юный Дионис.

Картиной этой недовольный
он переменит всё на раз
и пробудит мир малохольный,
вселяя радость и экстаз.

И я свою припомню юность
под оголтелость и шумок:
весна, любовь, ночная лунность,
весь мир — во мне, весь мир — у ног...

4 апреля 2023 г.

* * *

Постригись — помолодеешь,
способа иного нет, —
что ты ходишь словно дервиш,
только солнцем и согрет.

Пусть ничто тебя не греет
изнутри уже давно, —
постригись, помолодеет
ум с душою заодно.

Это всё обман, угрюмо
возразишь ты мне? — сорян,
всё — обман, а ты что думал,
жизнь — сама большой обман.

7 апреля 2023 г.

* * *

Воскресенье Вербное сегодня,
редкие на небе облака,
солнышко так светит старомодно,
словно сочиняет на века.

Не по-модернистски, слава Богу, —
ни при чём тут также постмодерн, —
солнце освещает мне дорогу
словно Пушкин пишет к Анне Керн.

И Господь уже в Иерусалиме,
мир пред Ним одежды постилал.
Я ж иду по улице с другими,
режиссёр, снимавший сериал.

Я себе купил вина и рыбы,
я себе сейчас сварю уху,
я однажды истину надыбал,
истину с подкладкой, на меху.

Но художник словно бы Башмачкин, —
истину украли на меху, —
как Акакий я бродил в горячке,
нёс непосвящённым чепуху.

Я к чему сейчас об этом вспомнил,
режиссёр, наснявший всякий вздор,
а к тому, что подвигом Господним
покорён до слёз с тех самых пор.

9 апреля 2023 г.

ВОРОНА ЭЛЛА

Ворона каркает так шумно за окном, —
по звуку судя, мимо пролетела;
у каждой твари собственный геном,
так пусть и имя тоже будет — Элла.

Итак, ворона Элла по делам
куда-то полетела мимо окон,
сегодня чуть накрашена мадам,
и у неё завитый вился локон.

И хоть увидеть Эллу не успел, —
она так быстро мимо пролетела, —
но я поэт — и если проглядел, —
воображать — моё прямое дело.

Будь счастлива же, Элла, и лети
вослед за тем стремительным брюнетом.
Ты веришь, что он ангел во плоти,
ты влюблена и каркаешь об этом.

10 апреля 2023 г.

* * *

После зимы на солнцепёке
велосипед разобран весь,
его хозяин краснощёкий
в своём миру, хоть телом здесь.

С таким вниманием он чистит
каретку, втулку и педаль,
как будто в чём-то тайном смыслит,
как будто нас ему чуть жаль.

И вот я думаю — а может
и мне купить велосипед,
и я как парень буду тоже
в другую истину одет.

Но, присмотревшись, понимаю,
тут дело, видимо, в другом,
в его глазах мечту читаю,
мечту о чём-то дорогом.

Не жаль мне на покупку денег,
но тут задача потрудней,
ведь он влюблён и чистит велик
не свой, а девушки своей.

И что мне делать с этим знаньем,
что от любви я так далёк;
что стало то воспоминаньем
чем жив вот этот паренёк.

11 апреля 2023 г.

* * *

Гагарин совершил полёт,
а я ещё и не родился,
а то бы, как и все, гордился,
как весь советский наш народ.

Гагарин в космос полетел,
а я через четыре года
родился только, из народа,
что супостата одолел.

Народ наш победил фашизм,
об этом знал я очень рано,
и деда, тоже ветерана,
я чтил в душе за героизм.

Я космонавтом быть хотел,
ещё хотел я бить фашистов,
а рядом тополь серебристый
тревожно, сумрачно шумел.

И думал я о бытие
как о каком-то грубом деле,
в котором нет высокой цели,
и ел, тоскуя, оливье.

Я был советский паренёк,
но с червоточинкой какой-то,
мне так хотелось из брандспойта
мир окатить, чтоб он потёк.

Чтоб появилась чистота
и в помыслах и так, снаружи.
Но никому я не был нужен,
верней, не я, моя мечта.

И всё же совершил полёт
Гагарин в космос и Победа
была не звук пустой для деда...
И я родился в свой черёд...

12 апреля 2023 г.

СОСЕД

В доме появился гитарист,
шлягеры поёт из девяностых
и бренчит, гнусавый гедонист,
не давая мне хоть краткий роздых.

Лишь закончит песенку одну,
начинает тотчас петь другую,
я же ожидаю тишину,
на такую малость претендую.

Я хочу стишочек написать,
должен я ведь быть сосредоточен,
ручку взял, открыл свою тетрадь
и сижу, как будто обесточен.

Что ж ты вытворяешь, гитарист.
Каждую твою я песню знаю.
Я сижу, смотрю на чистый лист,
злюсь и музыканту подпеваю.

13 апреля 2023 г.

СКОРБНЫЙ ДЕНЬ

Господь сегодня на Голгофу
взошёл, сегодня был распят,
мир на заметил катастрофу,
у ног Его лишь те стоят,
кто распинал Его, чуть дальше
стоит бессмысленный народ,
что скоро будет в жуткой фальши
кривить в раскаянии рот
и в грудь стучать себя от плача,
распяли, мол, Его мы зря,
такая вышла незадача,
пойдём, возьмём два пузыря.

Поодаль от Голгофы Матерь
стояла Господа и с ней
Мария Магдалина, в платье
как у невесты, — так больней.
Была ещё одна Мария
и, кажется, ученики,
но это всё периферия
и для народа пустяки.
Вот ярмарка — другое дело,
ведь завтра Пасха, Боже мой,
и все, покамест не стемнело,
спешат с покупками домой.

Никто не верил в Воскресенье,
не верили ученики,
но Бог воскрес нам на спасенье.
И, отсмеявшись, дураки
стоят и чешут свою репу:
так где начала и концы,
если наш мир подобен склепу,
раз все мы завтра мертвецы?
Тогда зачем нам эти враки,
шкафы, выходит, мёртвых слов?..
Вот потому, живя во мраке,
я за Христа поверх умов...

14 апреля 2023 г.

ВЕЧЕР ВЕЛИКОЙ ПЯТНИЦЫ

Народ у входа в церковь скучился,
шептались рядом две бабули:
«Ну вот и всё, Господь отмучился», —
и облегчённо так вздохнули.

И я примерно то же самое
почувствовал, простой прохожий,
я тоже семя ведь адамово,
а значит вместе с вами — Божий.

15 апреля 2023 г.

ВЕЛИКАЯ СУББОТА

«Жду Благодатный огонь из Израиля», —
пишет сестра эсэмэс.
Мир со времён убиенного Авеля
хочет, чтоб кто-то воскрес.

Миру так хочется верить в бессмертие,
но непостижно уму
даже когда, испытав милосердие,
смотришь уже в полутьму.

А ведь я верил, я помню мгновения,
но говорить не хочу,
это как будто на ум дуновения...
нет, лучше я промолчу.

Кто я такой, всё забыто и пройдено,
лучше со всеми постой
там, где стоит в ночь Пасхальную родина
с верой и свечкой простой.

Веры-то мало, но верить-то хочется,
что с Благодатным огнём?
Или наш мир вот сейчас скособочится,
раз он жесток и растлён?

Я в интернете ищу информацию,
я в ожиданье Огня.
Сходит Огонь, я слежу за трансляцией...
Слёзы в глазах у меня.

16 апреля 2023 г.

* * *

Появился первый одуванчик,
неужели снова год прошёл,
вроде только лёг я на диванчик,
вроде прошлогодний ещё жёлт,
а уже готова распуститься
снова, как и год назад, сирень, —
годы замелькали словно лица
в серенький и сутолочный день.

17 апреля 2023 г.

* * *

Есть у весны всего три месяца,
из них апрель — томит надежду,
вот март и май — как к лету лестница,
апрель же — как площадка между.

Тепло, казалось бы, цветение,
и вишня в белом как невеста,
и вдруг с небес ожесточение,
мол, вашей радости не место.

И снова холодно, томительно,
да где ж тепло на самом деле?
И смотришь в небо выразительно,
мол, шутки эти надоели.

Как девушка, крутя подолами,
вас соблазняет, намекая, —
вы подошли, и вдруг вас холодом
она обдаст: я не такая!..

Ну что ж, мы, в общем, терпеливые,
дождёмся нужной нам погоды,
воспримем жесты горделивые
как целомудренность природы...

20 апреля 2023 г.

КУРОРТНИЦА

Темы для стихов не бесконечны,
тем не так уж много вообще,
вот рассол, допустим, огуречный
или, скажем, грядка овощей.

Разве это тема? Нет, не тема.
С темою сплетаются они,
если в сад (и огород) Эдема
помещу я их в ночной тени.

Скажем, так: я после дискотеки,
звёзды над моею головой,
через сердце протекают реки,
море рядом, слышится прибой.

Мне сейчас, наверно, лет семнадцать
и, конечно, я опять влюблён,
девушка, с которой целоваться
я хотел бы до конца времён,

спит теперь в брезентовой палатке,
может, целомудренно-нагой, —
я её так ждал на танцплощадке,
хоть и танцевал медляк с другой.

Сколько было сладости в тех ранах,
когда было мне семнадцать лет!
Я носил ей огурцы в карманах,
дедушкин давал велосипед.

А когда заканчивалось лето,
и она уехала в Туву,
я хотел за ней поехать следом,
думал, без неё не проживу.

Я её любить собрался вечно,
потому напился сильно пьян
и рассол наутро огуречный
пил, что мне налил мой друг в стакан.

Ничего былого не осталось,
даже пепла нет уже в горсти...
Вот и огурцов коснулся малость,
просто, чтоб пример вам привести...

24 апреля 2023 г.

* * *

Сломалось под конец апреля
сопротивление теплу,
как будто вышли из туннеля,
мы щуримся, воздав хвалу
погоде— вот, другое дело,
бормочем, радостно дыша,
теперь уж точно потеплело,
пойдём, пройдёмся не спеша.

Все окна — настежь, двери — тоже,
в подъездах свежесть, сквозняки,
и лёгкий ветерок по коже
нас гладит нежно, — пиджаки
и свитера уже излишни, —
в футболке погулять — как раз,
и отцветают рядом вишни,
и зелень листьев режет глаз.

А в детстве во дворах когда-то
деревьев резали стволы, —
ага, ну вот она, цитата, —
всё тот же звук бензопилы...
И словно зрители в партере,
премьеру оценив весны,
мы из других уже материй
и виденным упоены.

25 апреля 2023 г.

* * *

Ты сам сошёл с дистанции,
какой же ты чудак,
ты обещал во Францию
уехать просто так.

Так глупо ты кокетничал
и цену набивал,
а мир вовсю соперничал,
при чём здесь идеал.

Стыдился, словно выше ты
столь низменных страстей,
и день, лучами вышитый,
воспел как тот Орфей.

И вслед за Эвридикою
спускался в свой Аид,
а мир был полон криками
борений и обид.

На ярмарку тщеславия
не направлял стопы,
а там ведь, кто вертлявее,
тот и кумир толпы.

И все свои претензии
к себе уже забудь,
смотри, цветёт гортензия,
постой же тут, побудь...

26 апреля 2023 г.

* * *

Детский носочек лежит на траве,
цвет голубой у носочка,
вот и возникла в моей голове
дактиля первая строчка.

Кто потерял этот детский носок —
мама, дитя или папа?
Вот уже я сочиняю стишок,
думая, кто же растяпа.

Я вот подумал: что́ этот носок?
Разве большая потеря?
Я потерял своей жизни кусок,
дёргаясь и лицемеря.

Так что растяпа здесь только один,
ну, по большому-то счёту.
Ну, а носочек... вон там магазин,
это недорого, что ты...

27 апреля 2023 г.

* * *

я хотел бы в шмеля превратиться
чтоб над веткою вишни летать
надоели пельмени и пицца
я хотел бы нектар повкушать

да и польза была бы: смотрите,
опылял заодно бы цветы
а то что человек: потребитель,
жрёт да жрёт не слезая с тахты

вот бы люди вокруг превратились
кто в грача, кто в пчелу, кто в шмеля
как бы все друг для друга трудились
как свободно вздохнула б земля

пусть любви бы Петрарки не стало
что замечу я в скобках не факт
но вот ненависть точно б пропала
бог сказал бы: довольно, антракт

впрочем бог улыбается, знает
что такой я судьбы не хочу
кто твой стих, говорит, прочитает
что не нужен шмелю и грачу

29 апреля 2023 г.

* * *

Солнца не бывает слишком много,
если наступает месяц май,
как Ромео — силой монолога —
захватил меня он невзначай.

Май люблю и жду его с отрадой,
хоть он не Ромео, — я загнул, —
смотрит в мир он с томною прохладой,
имя я бы дал ему Федул.

Первый майский день отмечен ветром,
солнцем, прогревающим до жил,
спущенным до щиколотки гетром
девушки, стоящей у перил.

И сирень, к цветенью наготове,
ждёт в тени горячего луча,
чтобы, словно девушка в обнове,
красоваться завтра у плеча.

Я люблю деньки в начале мая,
все они — плюс-минус — хороши, —
словно отголосок слабый рая
для слепой и ссохшейся души.

1 мая 2023 г.

* * *

Обратил внимание на то, как по-разному здороваются соседи в моём доме.

Старики улыбаются искренне, мягко,
по-соседски здороваясь, а молодёжь
рефлексирует, мол, ведь улыбка двояка —
вдруг на доброго малого будешь похож.

Потому и глядят молодые при встрече
с робкой важностью лиц, будто метят в князья,
ничего, и для них будет мир рассекречен,
они тоже поймут, что вокруг лишь друзья.

3 мая 2023 г.

* * *

Гречневую кашу с молоком
в детстве я любил — в году каком? —
даже вспомнить страшно, это было
так давно, ещё луна светила.

Странные дела творятся, друг,
забываешь многое, но вдруг
давнее во времени, из детства,
обретает видимость соседства.

Словно бы вчера я кашу ел,
с бабушкой на лавочке сидел,
и просил опять на завтрак гречку,
и ходил кормить в загон овечку.

Хорошо устроен человек —
время сходит, словно талый снег,
остаётся, если приглядеться,
только материнский взгляд из детства.

4 мая 2023 г.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Девятого мая всегда телеграмму
я дедушке слал, поздравляя с Победой,
страна в этот день вся была приодетой
и Родину все вспоминали как маму.

И тётки простые в кафе на веранде
сидели, одетые словно на свадьбу,
и пили вино, не сдавая ни пяди
святого для них, ведь в советском серванте

у каждой портрет иль отца или деда, —
погибших, живых или у́мерших рано, —
стоял, — как не чтить своего ветерана, —
они говорили, — девчонки, с Победой!

И сколько всех нас на Руси, — не атлантов, —
таких же потомков обычных героев,
которых Господь на ковчег новый Ноев
возьмёт за их подвиг.
И тёток с веранды...

9 мая 2023 г.

* * *

Только правду пишу, разве это не грустно,
я её приукрашу порою искусством,
чтоб себя развлекать по известным канонам…
как там слово-то это… аттракционом.

Свойство правды ведь в том, что она человечна,
только Истина выше своих подопечных,
что о правде толкуют, не ведая правды, —
вы попробуйте всем своей правдой потрафьте.

Потому развлекаю вас аттракционом —
сочиняю стихи как пою баритоном,
потому что иначе не вызовет чувства
правды грубый брусок, без отделки искусства.

А хотелось бы Истины снова коснуться, —
помню, в детстве мечтал о футбольных я бутсах, —
надевал раза три их, от счастья дрожащий, —
столько ж к Истине я прикасался, не чаще.

10 мая 2023 г.

* * *

каждый день писать стишки
непростое дело
даже если две башки
два, допустим, тела

даже если три руки
или же четыре
даже если по-мужски
к музе ты настырен

говорят что только Блок
так умел чудесно
но у Блока восемь ног
было — всем известно

11 мая 2023 г.

СЕРЕДИНА МАЯ

Яркого салатового цвета
крона молодая тополей,
и ещё полмесяца до лета —
если б был такой на свете клей,
я бы склеил времени страницы,
чтобы открывалась лишь одна,
та, в которой глубь небес нежна
словно эти девичьи ключицы.

Глубь небес так нежно бирюзова,
словно это девичья рука
нам рисует искренне и снова
всё, что сердцу грезится пока.
В белых одуванчиках поляна,
всё блестит от солнечных лучей, —
мир такой прекрасный и ничей —
даже это как-то видеть странно.

Странно видеть мир ненужный людям —
скучившись в большие города
мы природу, кажется, понудим
нас трясти за плечи иногда.
Я иду по плитке тротуарной,
слева — трасса, справа — тополя,
бабочка, крылом пошевеля,
взмыла над толпой неблагодарной...

12 мая 2023 г.

* * *

Сосед поёт про ветер северный
и про Владимирский централ,
казалось бы, какая невидаль,
такой у парня идеал.

Но дело в том, что я ведь в Киеве,
здесь русским песням места нет,
но кто-то болен ностальгиею,
я тоже русский вот поэт.

Сосед поёт про ветер северный,
я русские пишу стихи,
на рифму точную нацеленный,
вот, собственно, и все грехи.

15 мая 2023 г.

КОНЕЦ МАЯ

У природы смена декорации, —
надо же нас чем-то развлекать,
чтобы не сидели мы в прострации,
а играли роль свою опять.
И уже не в тренде одуванчики,
и сирень бледна от духоты, —
на подходе новые образчики
временной и зыбкой красоты:
гроздья наливаются акации,
с тополей слетает первый пух...
У природы смена декорации...
Я иду, подстрижен, лопоух,
словно бы по сцене, где меняется
антураж, а я как тот актёр,
что не знает роли, вот и мается,
и не знает, где сидит суфлёр...

24 мая 2023 г.

* * *

Стройный ряд тополей зеленеет листвою,
что дрожит на ветру, изменяя окрас,
словно треплется в небе блестящий атлас,
совмещаясь с тревожной волной звуковою.

Гроздья пуха на ветках, как пена морская,
словно это волна нагоняет волну,
а не ветви колышутся, — что же, взгляну,
вдруг из пены такой Афродита нагая

выйдет к нам на асфальт среди пятиэтажек,
на потеху зевакам, — вот было б кино.
Я конечно поэт и всё прочее, но
не хочу Афродиты на улицах наших.

31 мая 2023 г.

ЛЕТО

Вот и наступило лето, — здравствуй!
Полдень ослепительно прекрасный
радует и глаз и тело в целом, —
ну, насколько можно в очерствелом
сердце радость чувствовать, — хоть дело
тут скорее лишь в комфорте тела.

А моя душа, увидев розы,
что цветут, не ведая угрозы,
возле трассы шумной за забором,
тянет меня за уши с укором
к красоте из тины равнодушья, —
посмотри, как мир хорош снаружи.

Вот и наступило лето снова
как воспоминания основа
детства моего в селе у моря, —
вот о чём подумал, сердцу вторя,
я, на розы глядя за забором,
занятый с прошедшим разговором.

И уже как будто запах моря
в воздухе я чувствую и вскоре
словно вижу за оградой розы,
что растила бабушка, и козы
блеют в моей памяти в сарае,
вот она — другая жизнь, другая...

Это было так давно, но лето
говорит, что детство рядом где-то,
и душа, как будто от касанья
маминой руки, в немом рыданьи
смотрит в настоящее, как будто
с прошлым разделяет лишь минута...

1 июня 2023 г.

* * *

Облака растянуты как сеть,
словно кисея полупрозрачны,
словно снимок времени удачный,
хоть его нельзя запечатлеть
фотоаппаратом, только глазом,
но духовным, впрочем, помолчать
лучше мне, ведь всё равно печать
с истины не снимешь пересказом.

Небо белым мрамором уложено,
на котором волнами прожилки,
словно это Время в морозилке,
как пакет пельменей, заморожено.

2 июня 2023 г.

ДЕНЬ

Акация цветёт и сладкий её запах
вдыхаю словно я носатый сомелье,
и день передо мной стоит как пёс на лапах,
он хочет быть любим в цветах и воробье.

День говорит: смотри, всё сделал, человече,
чтоб счастлива была сейчас твоя душа,
а после говорит: ну что ж, ещё не вечер,
не первого тебя учу я, глупыша.

Ты будешь вспоминать и этот день возможно,
и будешь слёзы лить, что миновал твой век,
ответь же на любовь, ведь это же несложно,
ведь мне, как и тебе, так нужен человек!

3 июня 2023 г.

ТРОИЦА

Сошествие Духа Святого сегодня,
сегодня Апостол был каждый приподнят
над миром — наполнился ветром весь дом,
где были Апостолы, в горнице пламя
явилось и, каждого словно обрамя,
Дух Божий излился на плоть их потом.

И всё изменилось для них в человечьем
понятьи, они изъяснялись наречьем
толпы разношерстной, но были смешны
народу их речи; в них смысла не видя
иные глядели почти ненавидя
и всё восклицали: вы просто пьяны!..

А Пётр им напомнил слова Иоиля,
пророка из древности, но, не осиля
их смысл, продолжала смеяться толпа.
Но вот что сказал Иоиль: ваши дети
не будут всё время в телесном как в клети
сидеть, а обрящат от Духа — столпа

той Истины, что изливается Богом.
С тех пор все Апостолы шли по дорогам
везде возвещая ученье Христа.
И, думаю, часто их Дух Утешитель
к Христу направлял со слезами: Учитель!
А Истина-то оказалась проста...

4 июня 2023 г.

ПЧЕЛА

Стихи пишу я на пленэре
как живописец-пейзажист,
хотя сижу и в интерьере,
смотрю сейчас на белый лист.

Но стих в душе моей сложился,
когда по улице гулял,
когда мой глаз в пчелу вцепился,
как раз у клумбы я стоял.

Пчела над пристой гвоздикой
летала, словно бы в раю,
и назвалась вдруг Вероникой,
шмелю ответив, бугаю.

И персиковый цвет гвоздики
был чужд брутальному шмелю,
и мне хотелось Веронике
сказать в сердцах: ты во хмелю!

Зачем знакомишься с бруталом?
Ему не нужен райский куст,
он занят пивом и спортзалом,
а для прекрасного он пуст.

И Вероника улетела,
поняв меня наверняка,
хоть, может быть, ещё хотела
попить нектара из цветка.

Как хорошо, что Веронику
я спас разумною мольбой,
и я сорвал *её* гвоздику,
поставил в чашку пред собой.

7 июня 2023 г.

* * *

Берёзки от ветра шумят;
ветвями, как будто руками,
навстречу мне машут, — будь с нами,
нам страшно, они говорят.

Вы молоды, я отвечал,
поверьте, от юности это,
я тоже пуглив вообще-то
был в юности и тосковал.

Сегодня так холодно вдруг
и небо всё в тучах унылых,
и ангелов нет шестикрылых, —
одно неустройство вокруг.

Про ангелов — я пошутил,
а всё остальное — понятно,
жизнь слишком вокруг заурядна,
я ровно такой же, без сил.

Берёзки тревожно шумят,
как будто бы осень настала,
хотя только лета начало,
жить страшно, они говорят...

11 июня 2023 г.

* * *

Я любил начало лета в детстве,
сколько удовольствий впереди!
К бабушке на море — наконец-то! —
ехал я с восторгами в груди.

И усевшись в рейсовый автобус,
девочек-ровесниц я искал,
зыркая глазами, — фокус-покус:
раз — и находился идеал.

Может быть сидела иль стояла,
в розовой панамке или без,
девочка, что в сердце вызывала
сладостно-любовный интерес.

А потом пакет и сумку в руки
брал и выходил под небеса,
и любовь и горечь от разлуки
пережив за полтора часа.

Отъезжал автобус, сея копоть,
девочка-ровесница в окно
на меня смотрела, чтоб запомнить...
Как же это было всё давно!

С олимпийским Мишкой на пакете,
с сумкою спортивной на плече,
шёл я в бесконечном давнем лете,
взглядом провожаемый, в луче.

12 июня 2023 г.

* * *

Я в детство всматриваюсь летом
как будто бы в дверной глазок:
я на песке лежу нагретом,
и море бьётся возле ног.

В степном Крыму в семидесятых
мне даже музыка слышна,
и вижу юношей патлатых
и девушку, что так стройна.

И тает на песке медуза,
напоминая мне желе,
и гимн Советского Союза
шумит в степи и ковыле.

На фоне голубого неба
летят над морем облачка,
и в счастье будущее слепо
я верю, маленький пока.

И живы все, кого люблю я,
и всё у детства впереди:
любовь, пока без поцелуя,
и счастье, что уже в груди.

19 июня 2023 г.

* * *

вчера был ливень, я промок
бежал домой с горячей пиццей
как будто бы бежал с жар-птицей
и молнии сверкали впрок

сегодня вышел — благодать
землёю пахнет и цветами
как тело женское духами
и солнце светит в цифру пять

21 июня 2023 г.

* * *

Июль в разгаре. Душно и дожди.
Природа жарит так на всю катушку,
как будто бы цейтнот и впереди
нет времени на ливень и просушку.

Земля чиста и сохнет как бельё.
На небе туч раскиданы детали,
они теперь как будто вторсырьё,
но в этом нет абсурда и печали.

У Бога ничего не пропадёт.
О, если б так и жизнь моя напрасно
не пролилась, очистив небосвод,
а будущему стала сопричастна!..

7 июля 2023 г.

АВГУСТ

Шеф, всё пропало! — фразой из кино
потешишься об уходящем лете
и осень, словно скорби, на примете.
Но дождь прошёл — пора открыть окно.

А воздух как парное молоко
после дождя и, встав с ленцой с дивана,
из дома выйдешь — словно из чулана
на яркий свет, — вдыхая глубоко.

Во всём уж увяданья горький след:
листва каштанов словно проржавела,
и небо словно выцвело, истлело,
и мир похож на сонный лазарет.

Бурьян на пустырях совсем иссох,
хоть вымахал по плечи, даже выше,
кузнечики трещат, но как-то тише,
и замер, словно сник, чертополох.

И свет идёт на убыль с каждым днём,
косые тени всё длиннее в полдень,
и мысль мелькнёт: как скучен мир Господень
в довольстве и бездействии своём.

Август 2023 г.

* * *

Сентябрь. Ещё тепло. Хочу, чтоб также старость
клонила бы меня едва заметно ниц
как тает солнца свет день изо дня на радость
любителям дождей и мокрых черепиц.

А всё ж пока тепло, и солнце светит мягко —
как деликатный друг, — не мучая жарой.
«И снова хорошо, природа молодчага», —
подумал про себя лирический герой.

Снаружи хорошо, а что внутри героя?
Любовь иль пустота? Иллюзия иль страх?
Душа его лежит в развалинах как Троя,
остались лишь ресниц дрожание и взмах.

Осенние листы желтеют на асфальте,
и дворник тянет шланг, чтобы полить газон,
он думает о том, что не забит пенальти
(вчера смотрел футбол) и смотрит на ворон.

Как хорошо гулять и снова видеть осень,
на лавочке сидят мамашки, кофе пьют,
в колясках дети спят, — не будь претенциозен, —
не требуй ничего за даденный уют.

15 сентября 2023 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Подальше от литературы,
поближе к жизни корневой.
Вот первый снег, и дворник хмурый
мне улыбается впервой.

Что на́ сердце легло мужчины?
Какое старое кино
вдруг озарило без причины
в нём угол сердца, где темно?

И как у алтаря невеста
земля сейчас белым-бела,
и мир как из другого теста,
и ангел снег смахнул с крыла.

И, окунувшись в детство зримо,
в молчаньи с дворником таим
то, что в словах невыразимо...
Вот первый снег, мы говорим.

24 ноября 2023 г.

СОЧЕЛЬНИК

Бабушка и мама мне давали
сладкую холодную кутью.
Мир вокруг, как вещи на вокзале,
собран был навстречу бытию.

Я не знал значения обряда,
было мне тогда лет пять едва.
Бабушка сказала: «Скушать надо»
и ещё какие-то слова.

«Вкусно?» — меня спрашивала мама,
«Да», — я отвечал, измазав рот.
Этою минутой, давней самой,
грею сердце я который год.

Что-то опустилось вдруг на темя
в то мгновенье, словно кто подул...
Я услышал только «...в Вифлееме...»,
под собой раскачивая стул.

Ветер выл и дребезжали стёкла
на веранде — что за Вифлеем?..
И звезда зажглась на небе блёклом —
я ещё не знал тогда, зачем.

5 января 2024 г.

Содержание

От автора 3

ИЗ «ШКОЛЬНОЙ ТЕТРАДИ» (1980–1983 гг.)

«Меня материи высокие взывали...» 8
Прощай, школа 9

ИЗ «ЮНОШЕСКОЙ ТЕТРАДИ» (1983–1988 гг.)

Армейское 12
Сон 13
Ирония 14
Советский примитив 15

ИЗ КНИГИ ПЕРВОЙ.
«ОТКРОВЕНИЕ МОЕГО ГАМЛЕТА»
(1988–1989 гг.)

В гостях 18
«Звёзды отморочили, усопли...» 20
Моему знакомому 21
«Где упованье в просветленье века?..» 23
Подражанье песне 24
«Мне опротивели стихи...» 26
«Мой вдумчивый и мощный Голос!..» 27
«Как втолковать смущенье духа...» 28
Откровение моего Гамлета 29
Восемь сонетов 32
Философ 39

ИЗ КНИГИ ВТОРОЙ.
«ПЬЕТА»
(1989–1993 гг.)

«Когда, мой друг, ты в жизни, как в пустыне...» . 42
«Не верь, мой друг, глазам своим...» 43
Монолог моего Дон Жуана 44
«Моя терновая стезя...» 46
Виталику Х. 47
Элегия 48
Каникулы 49

«Когда божественным отмеченная сила...» . . . 54
Воспоминание о первой любви 55
Отрочество 57
«Как не томись я знаньем света...» 58
Весной 59
«Когда брожу отшельником угрюмым...» 60
«Где, милый друг, среди тщедушных...» 61
«Забросил я писать сонеты...» 62
К портрету М. Ю. Лермонтова 63
«Когда бы я себя не тешил...» 64
По-дон-кихотски 65
«Мне счастья хочется давно...» 66
Пьета 68
«Нет так-то просто, милый друг...» 71
Совет 72
«Я хладнокровен, но вокруг...» 73
О ремесле 74

ИЗ КНИГИ ТРЕТЬЕЙ. «ВРЕМЕНА» (1992–1995 гг.)

«Опять весна. Мне двадцать семь...» 76
Из цикла «Времена»
Утро 77
Вечер 79

Ночь 81
Понедельник 83
Вторник 85
Четверг 87
Воскресенье 89
Январь 91
Март 93
Май 95
Июнь 97
Июль 99
Ноябрь 101
В Евпатории 103
Заключение 107
Московская окраина 108
Скептическое 109
«Зелёные обои и портрет...» 110
«Двадцать градусов тепла...» 111
«Девочка моя хорошая...» 112
Этакая баллада 113
В осеннем парке 115
Стихи, написанные в лесу 116
«Как чёрной тушью по белой бумаге...» 118

ИЗ КНИГИ ЧЕТВЁРТОЙ.
«УХО»
(1995 г.)

Великан в Москве 120
Притча 121
Требуха 123
Сон 124
Трусливый милиционер 127
Второй сон 128
Стенанья мухи 130
Паучок 131
Инфантильная собака 132
Не понимают 134
Курица, которая родилась среди мышек . . . 136
Молния и гром 138
В яме 140
Иерархия 141
Ухо 142
Замок, как у Кафки 144

ИЗ КНИГИ ПЯТОЙ.
«ОПЫТЫ»
(1995, 1997 гг.)

Опыты 148
«Толк есть, но пишешь пресновато...» 150
«Жду — сижу на стуле...». 151
Поэту. 153
«Есть вещи поважней поэзии...» 155
«Каждый день одно и тоже...» 156
«Поэзия, едва...» 158
«Года бегут с такою скоростью...» 160
«Мой кумир сидит на ветке...» 162

ИЗ КНИГИ ШЕСТОЙ.
«ВЕНОК СОНЕТОВ»
(1994–1997 гг.)

Из цикла «Опись вещей поэта»
Печатная машинка 164
Лао-Цзы 165
Ангел. 167
Крым. 168
Из цикла «Олег Василич Филипенко»
«Олег Василич Филипенко —любитель женщин и цветов...» 170

«Олег Василич Филипенко — великий русский был поэт...» 172
«Олег Василич Филипенко великий русский был поэт...». 174
«Олег Василич Филипенко носил в душе избыток чувств...». 176
«Олег Василич Филипенко был скромен до нельзя в быту...». 178

ИЗ КНИГИ СЕДЬМОЙ. «РОВНАЯ ДОРОГА ЖИЗНИ» (1997–2000 гг.)

Памяти матери 182
Как всё-таки уносит жизнь 185
Из цикла «Детство. В деревне»
«Звёздная, чёрная, тёплая ночь...» 187
«Летним утром я встану и выйду опять променад...» 189
Узник 191
Маргарита 193
«Ровная дорога жизни...». 195
На 200-летие А. С. Пушкина 196
Осень в Ялте 197

ИЗ КНИГИ ВОСЬМОЙ. «СЕГОДНЯ, ЗАВТРА, ВЧЕРА...» (2001, 2004, 2005 гг.)

Безумие 200
«Сидела бабочка на розовой игле...» 204
«Вернуться бы под утро в не себя...» 205
«Пусть одиночеством дохнёт вечнозелёным...» . 206
«Слова затертые и чувства...» 207
Поэт 208
«Я есть надежда синего отлива...» 209
Когда я был мартышкой. 210
«Я жимолость серебряная в рамке...» 211
Поэты, требуйте признанья! 212
«День кончился, не кончилось лишь зренье...» . .213
Сегодня, завтра, вчера 214
О неком пофнутии 215
О неком пофнутии-2 216
«Я утром был мохнатый и красивый...» 217
«Верните мне обеты и задворки...» 218
«Я протрезвел и выбрался наружу...» 219
Бабочка без названья. 220
«Я рыжий, но для истины не рыжий...». . . . 221
«Да, я любимец бога стеклотары...» 222
Махаоны 223
«Как голова болит из-за китайской розы...» . . 224

«Там, где гуляют синеблузые восторги...» . . . 225
«Расколота фарфоровая кружка...» 226
«Вокруг меня сухие ломоносы...» 227
«Когда мне плохо, значит, хорошо мне...» . . . 228
«Я упаду когда-то вверх ногами...» 229
«В томленья грязные люблю сажать морковь...» 230
Зевок 231

ИЗ КНИГИ ДЕВЯТОЙ. «НА ЯЗЫКЕ ВЕТВЕЙ» (2000–2006 гг.)

Двустишия 234
«Весна почти прошла. Прошло и вдохновенье». 241
Майские стихи 242
Родина 244
Это было так давно 245
Набоков 247
Февральский день 248
«Читать людей, как будто бы донос...» 249
Экспромт 250
Готы 251
Городской вечер 252
Ночные мысли 253
«Я шёл сегодня по улице...» 254
«Жизнь похожа на рваный мешок с картошкой...» 256

В Севастополе 257
Мне некогда 258

ИЗ КНИГИ ДЕСЯТОЙ. «СОЛНЕЧНАЯ НИТЬ» (2006–2010 гг.)

«Тяжёлый день сегодня был: чуть не ссадили
с поезда...». 260
«Как зверь брожу я по квартире...» 261
«Солнечный морозный день..» 262
«Каштаны в Киеве цветут...». 263
«*Молчи, скрывайся и таи...*» 264
«"Boney M", а после "ABBA"» 265
«Иллюминация. Крещатик...» 266
«Ничего не хочется менять...» 267
«Был я молод и прекрасен...» 268

ИЗ КНИГИ ОДИННАДЦАТОЙ. «ПАПА В ЦИРКЕ» (2012–2021 гг.)

Стишок о девочке 270
Весна в Киеве 272
Папа в цирке 273
«Как красиво желтеют берёзы...» 274
«Наступают холода...» 276
«Посмотри налево, посмотри направо...» . . . 277

ИЗ КНИГИ ДВЕНАДЦАТОЙ. «ПЕРВЫЙ СНЕГ» (2022–2024 гг.)

«Мне никогда не нравились поэты...» 280
«Одуванчик растёт у дороги...» 282
«Если ты товарищ не скандальный...» 284
«В феврале уже солнышко светит...» 286
«Люблю на чистый лист смотреть и предвкушать...» 287
Поэту. 288
«Я Тютчева любил когда-то...» 289
«Говорят, что покидают силы...» 291
«Последний зимний день сегодня...» 292
«В фейсбуке пишут о весне...» 294
Март 295
«Там, за горой, живёт поэт...» 296
«Сегодня день — ни то, ни сё...» 298
«подсохнет тропинка в лесу...» 299
«не боги горшки обжигают...» 300
Водолаз 301
Амур 302
«Колю я узнаю по причёске...» 304
«Ребёнок плачет за стеной...» 305
«Я в магазин схожу за хлебом...» 306
«я помню "Лунную сонату"...» 307
«где этот мастер, блин, фломастер...». 308

«Я домолчался до стихов...» 309
«писать стихи легко ваще-то...» 311
«бывало в юности ловил...» 312
«сонный взгляд на сонный мир...» 313
«что можно в джинсах знать о мире?..» 314
«зелёный мох покрыл стволы...» 315
«ворона каркает зовёт...» 316
«художник должен быть голодным...» 317
«Олег Блохин по телевизору...» 318
«Интернет, как чёрная дыра...» 320
«Стихи мои как упражнения...» 321
«Апрель как строгий воспитатель...» 322
«Постригись — помолодеешь...» 324
«Воскресенье Вербное сегодня...» 325
Ворона Элла 327
«После зимы на солнцепёке...» 328
«Гагарин совершил полёт...» 330
Сосед 332
Скорбный день 333
Вечер Великой пятницы 335
Великая суббота 336
«Появился первый одуванчик...» 338
«Есть у весны всего три месяца...» 339
Курортница 340
«Сломалось под конец апреля...» 342
«Ты сам сошёл с дистанции...» 343

«Детский носочек лежит на траве...» 345
«я хотел бы в шмеля превратиться...» 346
«Солнца не бывает слишком много...» 347
«Старики улыбаются искренне, мягко...» 348
«Гречневую кашу с молоком...» 349
День Победы. 350
«Только правду пишу, разве это не грустно...» . .351
«каждый день писать стишки...» 352
Середина мая 353
«Сосед поёт про ветер северный...» 354
Конец мая 355
«Стройный ряд тополей зеленеет листвою...» . 356
Лето 357
«Облака растянуты как сеть...» 359
День 360
Троица 361
Пчела. 363
«Берёзки от ветра шумят...» 365
«Я любил начало лета в детстве...» 366
«Я в детство всматриваюсь летом...» 368
«вчера был ливень, я промок...» 369
«Июль в разгаре. Душно и дожди...» 370
Август 371
«Сентябрь. Ещё тепло. Хочу, чтоб также старость...» 372
Первый снег 373
Сочельник 374

Литературно-художественное издание

Олег Васильевич Филипенко

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(1980–2024 гг.)

Редактор — Е. Степанов
Компьютерная вёрстка, макет — И. Ракитина

Корректура авторская

Формат 120х165
Бумага офсетная
Гарнитура Academy
Тираж 100 экз.

Подписано в печать 07.09.2026

Издательство Евгения Степанова
109378, г. Москва, Есенинский бульвар, д. 1/26, 70.

Типография и издательство «Клуб печати»
127018, г. Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи,
д. 40, стр. 1, офис 32.